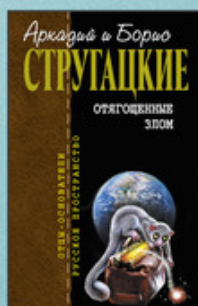

Аркадий и Борис Стругацкие

Гадкие лебеди

Часть сборника
Отягощенные злом (сборник)

Аркадий и Борис Стругацкие Гадкие лебеди

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127619
Отягощенные злом: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18219-5, 5-7921-0712-5, 5-699-18218-7

Аннотация

«Когда Ирма вышла, аккуратно притворив за собой дверь, худая, длинноногая, по-взрослому вежливо улыбаясь большим ртом с яркими, как у матери, губами, Виктор принялся старательно раскуривать сигарету. Это никакой не ребенок, думал он ошеломленно. Дети так не говорят. Это даже не грубость, это – жестокость, и даже не жестокость, а просто ей все равно. Как будто она нам тут теорему доказала – просчитала все, проанализировала, деловито сообщила результат и удалилась, подрагивая косичками, совершенно спокойная...»

Содержание

В кругу семьи и друзей	5
Вундеркинды	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34
Комментарии	35

Аркадий и Борис Стругацкие Гадкие лебеди

1

¹ *Гадкие лебеди, прекрасный утенок* — контаминация заглавий сказок Г.-Х. Андерсена «Гадкий утенок» и «Дикие лебеди» (перевод А. Ганзен) и инверсия первого из них.

В кругу семьи и друзей

Когда Ирма вышла, аккуратно притворив за собой дверь, худая, длинноногая, по-взрослому вежливо улыбаясь большим ртом с яркими, как у матери, губами, Виктор принялся старательно раскуривать сигарету. Это никакой не ребенок, думал он ошеломленно. Дети так не говорят. Это даже не грубость, это – жестокость, и даже не жестокость, а просто ей все равно. Как будто она нам тут теорему доказала – просчитала все, проанализировала, деловито сообщила результат и удалилась, подрагивая косичками, совершенно спокойная. Превозмогая неловкость, Виктор посмотрел на Лолу. Лицо ее шло красными пятнами, яркие губы дрожали, словно она собиралась заплакать, но она, конечно, и не думала плакать, она была в бешенстве.

– Ты видишь? – сказала она высоким голосом. – Девчонка, соплячка... Дрянь! Ничего святого, что ни слово – то оскорбление, будто я не мать, а половая тряпка, о которую можно вытирать ноги. Перед соседями стыдно! Мерзавка, хамка...

Да, подумал Виктор, и с этой вот женщиной я жил, я гулял с нею в горах, я читал ей Бодлера, и трепетал, когда прикасался к ней, и помнил ее запах... кажется, даже дрался из-за нее. До сих пор не понимаю, что она думала, когда я читал ей Бодлера? Нет, это просто удивительно, что мне удалось от нее удрать. Уму непостижимо, и как это она меня выпустила? Наверное, я тоже был не сахар. Наверное, я и сейчас не сахар, но тогда я пил еще больше, чем сейчас, и к тому же полагал себя большим поэтом.

– Тебе, конечно, не до того, куда там, – говорила Лола. – Столичная жизнь, всякие балерины, артистки... Я все знаю. Не воображай, что мы здесь ничего не знаем. И деньги твои бешеные, и любовницы, и бесконечные скандалы... Мне это, если хочешь ты знать, безразлично, я тебе не мешала, ты жил как хотел...

Вообще ее губит то, что она очень много говорит. В девицах она была тихая, молчаливая, таинственная. Есть такие девицы, которые от рождения знают, как себя вести. Она – знала. Вообще-то она и сейчас ничего, когда сидит молча на диване с сигареткой, выставив коленки... или заложит вдруг руки за голову и потянется. На провинциального адвоката это должно действовать чрезвычайно... Виктор представил себе уютный вечерок: этот столик придвинут к тому вон дивану, бутылка, шампанское шипит в фужерах, перевязанная ленточкой коробка шоколаду и сам адвокат, запакованный в крахмал, галстук бабочкой. Все как у людей, и вдруг входит Ирма... Кошмар, подумал Виктор. Да она же несчастная женщина...

– Ты сам должен понимать, – говорила Лола, – что дело не в деньгах, что не деньги сейчас все решают. – Она уже успокоилась, красные пятна пропали. – Я знаю, ты по-своему честный человек, взбалмошный, разболтанный, но не злой. Ты всегда помогал нам, и в этом отношении никаких претензий я к тебе не имею. Но теперь мне нужна не такая помощь... Счастливой назвать я себя не могу, но и несчастной тебе тоже не удалось меня сделать. У тебя своя жизнь, а у меня – своя. Я, между прочим, еще не старуха, у меня еще многое впереди...

Девочку придется забрать, подумал Виктор. Она уже все, как видно, решила. Если оставить Ирму здесь, в доме начнется ад крошечный... Хорошо, а куда я ее дену? Давай-ка честно, предложил он себе. Только честно. Здесь надо честно, это не игрушки... Он очень честно вспомнил свою жизнь в столице. Плохо, подумал он. Можно, конечно, взять экономку. Значит, снять постоянную квартиру... Да не в этом же дело: девочка должна быть со мной, а не с экономкой... Говорят, дети, которых воспитали отцы, – это самые лучшие дети. И потом, она мне нравится, хотя она очень странная девочка. И вообще я должен. Как честный человек, как отец. И я виноват перед нею. Но это все литература. А если все-таки честно? Если честно – боюсь. Потому что она будет стоять передо мной, по-взрослому улыбаясь большим ртом, и что я ей сумею сказать? Читай, больше читай, каждый день читай,

ничем тебе больше не нужно заниматься, только читай. Она это и без меня знает, а больше мне сказать ей нечего. Поэтому и боюсь... Но и это еще не совсем честно. Не хочется мне, вот в чем дело. Я привык один. Я люблю один. Я не хочу по-другому... Вот как это выглядит, если честно. Отвратительно выглядит, как и всякая правда. Цинично выглядит, себялюбиво, гнусненько. Честно.

– Что же ты молчишь? – спросила Лола. – Ты так и собираешься молчать?

– Нет-нет, я слушаю тебя, – поспешно сказал Виктор.

– Что ты слушаешь? Я уже полчаса жду, когда ты соизволишь отреагировать. Это же не только мой ребенок, в конце концов...

А с нею тоже надо честно? – подумал Виктор. Вот уж с нею мне совсем не хочется честно. Она, кажется, вообразила себе, что такой вопрос я могу решить тут же, не сходя с места, между двумя сигаретами.

– Пойми, – сказала Лола, – я ведь не говорю, чтобы ты взял ее на себя. Я же знаю, что ты не возьмешь, и слава богу, что не возьмешь, ты ни на что такое не годен. Но у тебя же есть связи, знакомства, ты все-таки довольно известный человек – помоги ее устроить! Есть же у нас какие-то привилегированные учебные заведения, пансионы, специальные школы. Она ведь способная девочка, у нее к языкам способности, и к математике, и к музыке...

– Пансион, – сказал Виктор. – Да, конечно... Пансион. Сиротский приют... Нет-нет, я шучу. Об этом стоит подумать.

– А что тут особенно думать? Любой был бы рад устроить своего ребенка в хороший пансион или в специальную школу. Жена нашего директора...

– Слушай, Лола, – сказал Виктор. – Это хорошая мысль, я попытаюсь что-нибудь сделать. Но это не так просто, на это нужно время. Я, конечно, напишу...

– Напишу! Ты весь в этом. Не писать надо, а ехать, лично просить, пороги обивать! Ты же все равно здесь бездельничаешь! Все равно только пьянствуешь и путаешься с девками. Неужели так трудно для родной дочери...

О, черт, подумал Виктор, так ей все и объясни. Он снова закурил, поднялся и прошелся по комнате. За окном темнело, и по-прежнему лил дождь, крупный, тяжелый, неторопливый – дождь, которого было очень много и который явно никуда не торопился.

– Ах, как ты мне надоел! – сказала Лола с неожиданной злостью. – Если бы ты знал, как ты мне надоел...

Пора идти, подумал Виктор. Начинается священный материнский гнев, ярость покинутой и все такое прочее. Все равно ничего я сегодня ей не отвечу. И ничего не стану обещать.

– Ни в чем на тебя нельзя положиться, – продолжала она. – Негодный муж, бездарный отец... модный писатель, видите ли! Дочь родную воспитать не сумел... Да любой мужик понимает в людях больше, чем ты! Ну что мне теперь делать? От тебя же никакого проку. Я одна из сил выбиваюсь, не могу ничего. Я для нее нуль, для нее любой мокрец в сто раз важнее, чем я. Ну ничего, ты еще спохватишься! Ты ее не учишь, так они ее научат! Дождешься еще, что она тебе будет в рожу плевать, как мне...

– Брось, Лола, – сказал Виктор морщась. – Ты все-таки, знаешь, как-то... Я отец, это верно, но ты же мать... Все у тебя кругом виноваты...

– Убирайся! – сказала она.

– Ну вот что, – сказал Виктор. – Ссориться с тобой я не намерен. Решать с бухты-барахты я тоже ничего не намерен. Буду думать. А ты...

Она теперь стояла выпрямившись и прямо-таки дрожала, предвкушая упрек, готовая с наслаждением кинуться в свару.

– А ты, – спокойно сказал он, – постарайся не нервничать. Что-нибудь придумаем. Я тебе позвоню.

Он вышел в прихожую и натянул плащ. Плащ был еще мокрый. Виктор заглянул в комнату Ирмы, чтобы попрощаться, но Ирмы не было. Окно было раскрыто настежь, в подоконник хлестал дождь. На стене красовался транспарант с надписью большими красивыми буквами: «Прошу никогда не закрывать окно». Транспарант был мятый, с надрывами и темными пятнами, словно его неоднократно срывали и топтали ногами. Виктор прикрыл дверь.

– До свидания, Лола, – сказал он. Лола не ответила.

На улице было уже совсем темно. Дождь застучал по плечам, по капюшону. Виктор ссутулился и сунул руки поглубже в карманы. Вот в этом скверике мы в первый раз поцеловались, думал он. А вот этого дома тогда еще не было, а был пустырь, а за пустырем – свалка, там мы охотились с рогатками на кошек. В городе была чертова уйма кошек, а сейчас я что-то ни одной не вижу... И ни черта мы тогда не читали, а вот у Ирмы полная комната книг. Что такое была в мое время двенадцатилетняя девчонка? Конопатое хихикающее существо, бантики, куклы, картинки с зайчиками и белоснежками, всегда парочками-троечками: шу-шу-шу, кульки с ирисками, испорченные зубы. Чистюли, ябеды, а самые лучшие из них – точно такие же, как мы, коленки в ссадинах, дикие рысьи глаза и пристрастие к подножкам... Времена новые наконец наступили, что ли? Нет, подумал он. Это не времена. То есть и времена, конечно, тоже... А может быть, она у меня вундеркинд? Случаются же вундеркинды. Я – отец вундеркинда. Почетно, но хлопотно, и не столько почетно, сколько хлопотно, да, в конце концов, и не почетно вовсе... А вот эту улочку я всегда любил, потому что она самая узкая. Так, а вот и драка. Правильно, у нас без этого нельзя, мы без этого никак не можем. Это у нас испокон веков. И двое на одного...

На углу стоял фонарь. У границы освещенного пространства мокнул автомобиль с брезентовым верхом, а рядом с автомобилем двое в блестящих плащах пригибали к мостовой третьего – в черном и мокром. Все трое с натугой и неуклюже топтались по булыжнику. Виктор приостановился, затем подошел поближе. Непонятно было, что тут, собственно, происходит. На драку не похоже: никто никого не бьет. На возню от избытка молодых сил не похоже тем более – не слышно азартного гиканья и жеребьячьего ржания... Третий, в черном, вдруг вырвался, упал на спину, и двое в плащах сейчас же повалились на него. Тут Виктор заметил, что дверцы машины распахнуты, и подумал, что этого черного либо недавно вытащили оттуда, либо пытаются туда запихнуть. Он подошел вплотную и рывкнул:

– Отставить!

Двое в плащах разом обернулись и несколько мгновений смотрели на Виктора из-под надвинутых капюшонов. Виктор заметил только, что они молодые и что рты у них разинуты от напряжения, а затем они с невероятной быстротой нырнули в автомобиль, стукнули дверцы, машина взревела и умчалась в темноту. Человек в черном медленно поднялся, и, разглядев его, Виктор отступил на шаг. Это был больной из лепрозория – «мокрец», или «очкарик», как их звали за желтые круги вокруг глаз, – в плотной черной повязке, закрывающей нижнюю половину лица. Он мучительно тяжело дышал, страдальчески задрал остатки бровей. По лысой голове стекала вода.

– Что случилось? – спросил Виктор.

Очкарик смотрел не на него, а мимо, глаза его выкатились. Виктор хотел обернуться, но тут его с хрустом ударило в затылок, и когда он очнулся, то обнаружил, что лежит лицом вверх под водосточной трубой. Вода хлестала ему в рот, она была тепловатая и ржавая на вкус. Отплевываясь и кашляя, он отодвинулся и сел, прислонившись спиной к кирпичной стене. Вода, набравшаяся в капюшон, полилась за воротник и поползла по телу. В голове гудели и звенели колокола, трубили трубы и били барабаны. Сквозь этот шум Виктор разглядел перед собой худое темное лицо. Знакомое. Где-то я его видел. Еще до того, как у меня лязгнули челюсти... Он подвигал языком, пошевелил челюстью. Зубы были в порядке. Мальчик набрал под трубой пригоршню воды и плеснул ему в глаза.

– Милый, – сказал Виктор, – хватит.

– Мне показалось, что вы еще не очнулись, – сказал мальчик серьезно.

Виктор осторожно засунул руку под капюшон и ощупал затылок. Там была шишка – ничего страшного, никаких раздробленных костей, даже крови не было.

– Кто же это меня? – задумчиво спросил он. – Надеюсь, не ты?

– Вы сами сможете идти, господин Банев? – сказал мальчик. – Или позвать кого-нибудь? Видите ли, для меня вы слишком тяжелый.

Виктор вспомнил, кто это.

– Я тебя знаю, – сказал он. – Ты – Бол-Кунац, приятель моей дочки.

– Да, – сказал мальчик.

– Вот и хорошо. Не надо никого звать и не надо никому говорить. А давай-ка немножко посидим и опомнимся.

Теперь он разглядел, что с Бол-Кунацем тоже не все в порядке. На щеке у него темнела свежая ссадина, а верхняя губа припухла и кровоточила.

– Я все-таки кого-нибудь позову, – сказал Бол-Кунац.

– Стоит ли?

– Видите ли, господин Банев, мне не нравится, как у вас дергается лицо.

– В самом деле? – Виктор ощупал лицо. Лицо не дергалось. – Это тебе только кажется... Так. А теперь мы встанем. Что для этого необходимо? Для этого необходимо подтянуть под себя ноги... – Он подтянул под себя ноги, и ноги показались ему не совсем своими. – Затем, слегка оттолкнувшись от стены, перенести центр тяжести таким образом... – Ему никак не удавалось перенести центр тяжести, что-то мешало. Чем же это меня? – подумал он. Да ведь как ловко...

– Вы наступили себе на плащ, – сообщил мальчик, но Виктор уже сам разобрался со своими руками и ногами, со своим плащом и оркестром под черепом. Он встал. Сначала пришлось придерживаться за стенку, но потом дело пошло лучше.

– Ага, – сказал он. – Значит, ты меня ташил оттуда до этой трубы. Спасибо.

Фонарь стоял на месте, но не было ни машины, ни очкарика. Никого не было. Только маленький Бол-Кунац осторожно гладил свою ссадину мокрой ладонью.

– Куда же они все делись? – спросил Виктор.

Мальчик не ответил.

– Я тут один лежал? – спросил Виктор. – Вокруг никого больше не было?

– Давайте я вас провожу, – сказал Бол-Кунац. – Куда вам лучше идти? Домой?

– Погоди, – сказал Виктор. – Ты видел, как они хотели схватить очкарика?

– Я видел, как вас ударили, – сказал Бол-Кунац.

– Кто?

– Я не разглядел. Он стоял спиной.

– А ты где был?

– Видите ли, я лежал тут, за углом...

– Ничего не понимаю, – сказал Виктор. – Или у меня с головой что-то... Почему ты, собственно, лежал за углом? Ты там живешь?

– Видите ли, я лежал, потому что меня ударили еще раньше. Не тот, который вас ударил, а другой.

– Очкарик?

Они медленно шли, стараясь держаться мостовой, чтобы на них не лило с крыш.

– Н-нет, – ответил Бол-Кунац, подумав. – По-моему, они все были без очков.

– О, господи, – сказал Виктор. Он полез рукой под капюшон и пощупал шишку. – Я говорю о прокаженном, их называют очкариками. Ну знаешь, из лепрозория... Мокрецы...

– Не знаю, – сдержанно произнес Бол-Кунац. – По-моему, они все были вполне здоровы.

– Ну-ну! – сказал Виктор. Он ощутил некоторое беспокойство и даже остановился. – Ты что же, хочешь меня уверить, что там не было прокаженного? С черной повязкой, весь в черном...

– Это никакой не прокаженный! – с неожиданной запальчивостью сказал Бол-Кунац. – Он поздоровее вас...

Впервые в этом мальчике обнаружилось что-то мальчишеское и сейчас же исчезло.

– Я не совсем понимаю, куда мы идем, – помолчав, сказал он прежним серьезным до бесстрастности тоном. – Сначала мне показалось, что вы направляетесь домой, но теперь я вижу, что мы идем в противоположную сторону.

Виктор все стоял, глядя на него сверху вниз. Два сапога пара, подумал он. Все просчитал, проанализировал и деловито решил не сообщать результата. Так он мне, видимо, и не расскажет, что здесь было. Интересно, почему? Неужели уголовщина? Нет, не похоже. Или все-таки уголовщина? Новые, знаете ли, времена... Чепуха, знаю я нынешних уголовников...

– Все правильно, – сказал он и двинулся дальше. – Мы идем в гостиницу, я там живу.

Мальчик, прямой, строгий и мокрый, шагал рядом. Преодолев некоторую нерешительность, Виктор положил руку ему на плечо. Ничего особенного не произошло – мальчик стерпел. Впрочем, он, вероятно, просто решил, что его плечо понадобилось в утилитарных целях как подпорка для травмированного.

– Должен тебе сказать, – самым доверительным тоном сообщил ему Виктор, – что у вас с Ирмой очень странная манера разговаривать. Мы в детстве говорили не так.

– Правда? – вежливо спросил Бол-Кунац. – И как же вы говорили?

– Ну, например, этот твой вопрос у нас звучал бы так: чиво?

Бол-Кунац пожал плечами.

– Вы хотите сказать, что это было бы лучше?

– Упаси бог! Я хочу только сказать, что это было бы естественнее.

– Именно то, что наиболее естественно, – заметил Бол-Кунац, – менее всего подобает человеку.

Виктор ощутил какой-то холод внутри. Какое-то беспокойство. Или даже страх. Словно в лицо ему расхохоталась кошка.

– Естественное всегда примитивно, – продолжал между тем Бол-Кунац. – А человек – существо сложное, естественность ему не идет. Вы меня понимаете, господин Банев?

– Да, – сказал Виктор. – Конечно.

Было нечто удивительно фальшивое в том, как отечески он держал руку на плече этого мальчика, который не мальчик. У него даже заныло в локте. Он осторожно убрал руку и сунул в карман.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Четырнадцать, – рассеянно ответил Бол-Кунац.

– А-а...

Любой мальчик на месте Бол-Кунаца непременно заинтересовался бы этим раздражающе неопределенным «а-а», но Бол-Кунац был не из любых мальчишек. Его не занимали интригующие междометия. Он размышлял над соотношением естественного и примитивного в природе и обществе. И он жалел, что ему попался такой неинтеллигентный собеседник, да еще ударенный по голове...

Они вышли на проспект Президента. Здесь было много фонарей и попадались прохожие – торопливые, согнутые многодневным дождем мужчины и женщины. Здесь были освещенные витрины и озаренный неоновым светом вход в кинотеатр, где под навесом тол-

пились очень одинаковые молодые люди неопределенного пола, в блестящих плащах до пяток. И над всем этим сквозь дождь сияли золотые и синие заклинания: «Президент – отец народа», «Легионер Свободы – верный сын Президента», «Армия – наша грозная слава»...

Они по инерции шли по мостовой, и проехавший автомобиль, рывкнув сигналом, загнал их на тротуар и окатил грязной водой.

– А я думал, тебе лет восемьдесят, – сказал Виктор.

– Чиво-чиво? – противным голосом спросил Бол-Кунац, и Виктор облегченно засмеялся. Все-таки это был мальчик, обыкновенный нормальный вундеркинд, начитавшийся Гейбора, Зурзмансора, Фромма и, может быть, даже осиливший Шпенглера.

– У меня в детстве был приятель, – сказал Виктор, – который затеял прочитать Гегеля в подлиннике и прочитал-таки, но сделался шизофреником. Ты в свои годы, безусловно, знаешь, что такое шизофреник.

– Да, знаю, – сказал Бол-Кунац.

– И ты не боишься?

– Нет.

Они подошли к отелю, и Виктор предложил:

– Может быть, зайдешь ко мне, обсохнешь?

– Благодарю вас. Я как раз собирался попросить разрешения зайти. Во-первых, я должен вам еще кое-что сказать, а во-вторых, мне надо поговорить по телефону. Вы разрешите?

Виктор разрешил. Они прошли сквозь вращающуюся дверь мимо швейцара, снявшего перед Виктором фуражку, мимо богатых статуй с электрическими свечами в совершенно пустой вестибюль, пропитанный ресторанными запахами, и Виктор ощутил привычный подъем в предвкушении наступающего вечера, когда можно будет пить, и безответственно болтать, и отодвинуть локтем на завтра то, что раздражающе наседало сегодня... в предвкушении Юла Голема и доктора Р. Квадриги... и, может быть, еще с кем-нибудь познакомлюсь, и, может быть, что-нибудь случится – драка или сюжет вдруг заиграет... и закажу-ка я сегодня миноги, и пусть все будет хорошо, а последним автобусом поеду к Диане...

Пока Виктор брал ключи у портье, за его спиной происходил разговор. Бол-Кунац разговаривал со швейцаром. «Ты зачем сюда вперся?» – шипел швейцар. «У меня разговор с господином Баневым». – «Я тебе покажу разговор с господином Баневым, – шипел швейцар. – Шляешься по ресторанам...» – «У меня разговор с господином Баневым, – повторял Бол-Кунац. – Ресторан меня не интересует». – «Еще бы тебя, щенка, ресторан интересовал... Вот я тебя сейчас отсюда вышвырну...» Виктор взял ключ и обернулся.

– Э... – сказал он. Он опять забыл имя швейцара. – Парнишка со мной, все в порядке.

Швейцар ничего не ответил, лицо у него было недовольное.

Они поднялись в номер. Виктор с наслаждением сбросил плащ и наклонился, чтобы расшнуровать сырые ботинки. Кровь прилила к голове, и он ощутил изнутри болезненные редкие толчки в то место, где был желвак, тяжелый и круглый, как свинцовая лепешка. Он сразу выпрямился и, придерживаясь за косяк, стал сдирать ботинок, упершись в задник носком другой ноги. Бол-Кунац стоял рядом, с него капало.

– Раздевайся, – сказал Виктор. – Повесь все на радиатор, сейчас я дам полотенце.

– Разрешите, я позвоню, – сказал Бол-Кунац, не двигаясь с места.

– Валяй. – Виктор содрал второй ботинок и в мокрых носках ушел в ванную. Раздеваясь, он слышал, как мальчик негромко разговаривает, спокойно и неразборчиво. Только однажды он громко и внятно произнес: «Не знаю». Виктор обтерся полотенцем, накинул халат и, достав чистую купальную простыню, вышел в комнату. «Вот тебе», – сказал он и тут же увидел, что это ни к чему. Бол-Кунац по-прежнему стоял у дверей, и с него по-прежнему капало.

– Благодарю вас, – сказал он. – Видите ли, мне надо идти. Я хотел бы еще только...

– Простудишься, – сказал Виктор.

– Нет, не беспокойтесь, благодарю вас. Я не простужусь. Я хотел бы еще только выяснить с вами один вопрос. Ирма вам ничего не говорила?

Виктор бросил простыню на диван, присел на корточки перед баром и вытащил бутылку и стакан.

– Ирма мне много чего говорила, – ответил он довольно мрачно. Он налил в стакан на палец джину и долил немного воды.

– Она не передавала вам наше приглашение?

– Нет. Приглашений она мне не передавала. На, выпей.

– Благодарю вас, не нужно. Раз она не передавала, то передам я. Мы хотели бы встретиться с вами, господин Банев.

– Кто это – мы?

– Гимназисты. Видите ли, мы читали ваши книги и хотели бы задать вам несколько вопросов.

– Гм, – сказал Виктор с сомнением. – Ты уверен, что это будет интересно всем?

– Я думаю – да.

– Все-таки я пишу не для гимназистов, – напомнил Виктор.

– Это неважно, – сказал Бол-Кунац с мягкой настойчивостью. – Вы согласились бы?

Виктор задумчиво покрутил в стакане прозрачную смесь.

– Может быть, все-таки выпьешь? – спросил он. – Лучшее средство от простуды. Нет? Ну тогда выпью я. – Он осушил стакан. – Хорошо, я согласен. Только никаких афиш, объявлений и прочего. Узкий круг: вы и я... Когда?

– Когда вам будет удобно. Лучше бы на этой неделе. Утром.

– Скажем, через два-три дня. Только не очень рано. Скажем, в пятницу, в одиннадцать. Это подойдет?

– Да. В пятницу в одиннадцать. В гимназии. Вам напомнить?

– Обязательно, – сказал Виктор. – О раутах, суаре и банкетах, а также о митингах, встречах и совещаниях я всегда стараюсь забыть.

– Хорошо, я напомню, – сказал Бол-Кунац. – А теперь я с вашего разрешения пойду. До свидания, господин Банев.

– погоди, я тебя провожу, – сказал Виктор. – Как бы тебя этот... швейцар не обидел. Что-то он сегодня не в духе, а швейцары знаешь какой народ...

– Благодарю вас, не беспокойтесь, – возразил Бол-Кунац. – Это мой отец.

И он вышел. Виктор налил себе еще на палец джину и повалился в кресло. Так, подумал он. Бедный швейцар. Как же его зовут? Неудобно даже, все-таки мы с ним товарищи по несчастью, коллеги. Надо будет с ним поговорить, обменяться опытом. Он, наверное, опытнее... Какая, однако, концентрация вундеркиндов в моем родном промозглом городишке. Может быть, это от повышенной влажности?.. Он откинул голову и сморщился от боли. Вот гад, чем это он меня все-таки? Он ощупал желвак. Похоже на резиновую дубинку. Впрочем, откуда мне знать, как это бывает от резиновой дубинки? Как бывает от современного стула в «Жареном Пегасе» – это я знаю. Как бывает от автоматного приклада или, например, от рукоятки пистолета – я тоже знаю. От бутылки из-под шампанского и от бутылки с шампанским... Надо будет спросить Голема... Вообще странная какая-то история, хорошо бы в ней разобраться...

И он стал разбираться в этой истории, чтобы отогнать всплывшую вторым планом мысль об Ирме, о необходимости от чего-то отказываться и как-то себя ограничивать или куда-то кому-то писать, кого-то просить... «Извини, что беспокою тебя, старина, но тут у меня объявилась дочка двенадцати с лишним лет, очень славная девочка, но мать у нее дура и отец тоже дурак, так вот надобно ее пристроить куда-нибудь подальше от глупых людей...»

Не хочу я сегодня об этом думать, завтра подумаю. Он посмотрел на часы. Хватит думать вообще. Хватит.

Он поднялся и стал одеваться перед зеркалом. Брюхо растет, вот дьявол, и откуда бы у меня быть брюху? Такой всегда был сухощавый жилистый человек... Даже и не брюхо, собственно, – благородное трудовое чрево от размеренной жизни и хорошей пищи, – а так, брюшко какое-то паршивенькое, оппозиционерский животик. У господина президента небось не такой. У господина президента небось благородный, обтянутый черным лоснящийся дирижабль...

Повязывая галстук, он придвинул лицо к зеркалу и вдруг подумал, как выглядело это уверенное крепкое лицо, столь обожаемое женщинами известного сорта, некрасивое, но мужественное лицо бойца с квадратным подбородком, как оно выглядело к концу исторической встречи. Лицо господина президента, тоже не лишённое мужественности и элементов прямоугольности, к концу исторической встречи напоминало, прямо скажем, между нами, кабанье рыло. Господин президент изволили взвинтить себя до последней степени, из клыкастой пасти летели брызги, и я достал платок и демонстративно вытер себе щеку, и это был, наверное, самый смелый поступок в моей жизни, если не считать того случая, когда я дрался с тремя танками сразу. Но как я дрался с танками – я не помню, знаю только по рассказам очевидцев, а вот платочек я вынул сознательно и соображал, на что иду... В газетах об этом не писали. В газетах честно и мужественно, с суровой прямоотой сообщили, что «беллетрист В. Банев искренне поблагодарил господина президента за все замечания и разъяснения, сделанные в ходе беседы».

Странно, как хорошо я все это помню... Он обнаружил, что у него побелели щеки и кончик носа. Вот таким я и был тогда, на такого орать сам бог велел. Он ведь не знал, бедняга, что это я не от страха, что бледнею я от злости, как Людовик Четырнадцатый... Только не будем махать кулаками после драки. Какая разница, от чего я там у него бледнел... Ладно, не будем. Но – для того, чтобы успокоиться, для того, чтобы привести себя в порядок перед появлением на люди, чтобы вернуть нормальный цвет этому некрасивому, но мужественному лицу, – я должен отметить, я должен напомнить вам, господин Банев, что если бы вы не продемонстрировали господину президенту свой платочек, вы бы сейчас благополучнейшим образом обретались в нашей славной столице, а не в этой мокрой дыре...

Виктор залпом допил джин и спустился в ресторан.

– Может быть, конечно, и хулиганы, – сказал Виктор. – Только в мое время никакой хулиган не стал бы связываться с очкариком. Запустить в него камнем – это еще туда-сюда, но хватать, тащить и вообще прикасаться... Мы их все боялись, как заразы.

– Я же говорю вам: это генетическая болезнь, – сказал Голем. – Они абсолютно не заразные.

– Как же не заразные, – возразил Виктор, – когда от них бородавки, как от жабы! Это же все знают.

– От жаб не бывает бородавок, – благодушно сказал Голем. – От мокрецов тоже. Стыдно, господин писатель. Впрочем, писатели – народ серый.

– Как и всякий народ. Народ сер, но мудр. И если народ утверждает, что от жаб и очкариков бывают бородавки...

– А вот приближается мой инспектор, – сказал Голем.

Подошел Павор в мокром плаще, прямо с улицы.

– Добрый вечер, – сказал он. – Весь промок, хочу выпить.

– Опять от него тинной воняет, – с негодованием произнес доктор Р. Квадрига, пробудившись от алкогольного транса. – Вечно от него воняет тинной. Как в пруду. Ряска.

– Что вы пьете? – спросил Павор.

– Кто – мы? – осведомился Голем. – Я, например, как всегда, пью коньяк. Виктор пьет джин. А доктор – все по очереди.

– Срам! – с негодованием сказал доктор Р. Квадрига. – Чешуя! И головы.

– Двойной коньяк! – крикнул Павор официанту.

Лицо у него было мокрое от дождя, густые волосы слиплись, и от висков по бритым щекам стекали блестящие струйки. Тоже твердое лицо – многие, наверное, завидуют. Откуда у санитарного инспектора такое лицо? Твердое лицо – это: сыплет дождь, прожектора, тени на мокрых вагонах мечутся, ломаются... все черное и блестящее, только черное и только блестящее, и никаких разговоров, никакой болтовни, только команды, и все повинуются... не обязательно вагоны, могут быть самолеты, аэродром, и потом, никто не знает, где он был и откуда пришел... девочки падают навзничь, а мужчинам хочется сделать что-нибудь мужественное – например, расправить плечи и втянуть брюхо. Вот Голему не мешало бы втянуть брюхо, только вряд ли, куда он его втянет, там у него все занято. Доктор Р. Квадрига – да, но зато ему не расправить плечи, вот уже много дней и навсегда он согбен. Вечерами он согбен над столом, по утрам – над тазиком, а днем – от большой печени. И значит, только я здесь способен втянуть брюхо и расправить плечи, но я лучше мужественно хлопну стаканчик джину.

– Нимфоман, – грустно сказал Павору доктор Р. Квадрига. – Русалкоман. И водоросли.

– Заткнитесь, доктор, – сказал Павор. Он вытирал лицо бумажными салфетками, комкал их и бросал на пол. Потом он стал вытирать руки.

– С кем это вы подрались? – спросил Виктор.

– Изнасилован мокрецом, – произнес доктор Р. Квадрига, мучительно стараясь развесть по местам глаза, которые съехались у него к переносице.

– Пока ни с кем, – ответил Павор и пристально посмотрел на доктора, но Р. Квадрига этого не заметил.

Официант принес рюмку. Павор медленно выцедил коньяк и поднялся.

– Пойду-ка я умоюсь, – сказал он ровным голосом. – За городом грязь, весь в дерьме. – И он ушел, задевая по дороге стулья.

– Что-то происходит с моим инспектором, – произнес Голем. Он щелчком сбросил со стола мятую салфетку. – Что-то мировых масштабов. Вы, случайно, не знаете, что именно?

– Вам лучше знать, – сказал Виктор. – Он инспектирует вас, а не меня. И потом вы ведь все знаете. Кстати, Голем, откуда вы все знаете?

– Никто ничего не знает, – возразил Голем. – Некоторые догадываются. Очень немногие – те, кому хочется. Но нельзя спросить: откуда они догадываются? – это насилие над языком. Куда идет дождь? Чем встает солнце? Вы бы простили Шекспиру, если бы он написал что-нибудь в этом роде? Впрочем, Шекспиру вы бы простили. Шекспиру мы многое прощаем, не то что Баневу... Слушайте, господин беллетрист, у меня есть идея. Я выпью коньяку, а вы покончите с этим джином. Или вы уже готовы?

– Голем, – сказал Виктор, – вы знаете, что я – железный человек?

– Я догадываюсь.

– А что из этого следует?

– Что вы боитесь заржаветь.

– Предположим, – сказал Виктор. – Но я имею в виду не это. Я имею в виду, что могу пить много и долго, не теряя нравственного равновесия.

– Ах вот в чем дело, – сказал Голем, наливая себе из графинчика. – Ну хорошо, мы еще вернемся к этой теме.

– Я не помню, – сказал вдруг ясным голосом доктор Р. Квадрига. – Я вам представлялся или нет, господа? Честь имею: Рем Квадрига, живописец, доктор гонорис кауза, почетный

член... Тебя я помню, – сказал он Виктору. – Мы с тобой учились и еще что-то... А вот вы, простите...

– Меня зовут Юл Голем, – небрежно сказал Голем.

– Очень рад. Скульпт'р?

– Нет. Врач.

– Х'рург?

– Я главный врач лепрозория, – терпеливо объяснил Голем.

– Ах да! – сказал доктор Р. Квадрига, по-лошадиному мотая головой. – Конечно. Простите меня, Юл... Только почему вы скрываете? Какой вы там врач? Вы же разводите мокрецов... Я вас представлю. Такие люди нам нужны... Простите, – сказал он неожиданно. – Я сейчас.

Он выбрался из кресла и устремился к выходу, блуждая между пустыми столиками. К нему подскочил официант, и доктор Р. Квадрига обнял его за шею.

– Это все дожди, – сказал Голем. – Мы дышим водой. Но мы не рыбы, мы либо умрем, либо уйдем отсюда. – Он серьезно и печально глядел на Виктора. – А дождь будет падать на пустой город, размывать мостовые, сочиться сквозь крыши, сквозь гнилые крыши... потом он смоет все, растворит город в первобытной земле, но не остановится, а будет падать, и падать, и падать...

– Апокалипсис, – проговорил Виктор, чтобы что-нибудь сказать.

– Да, апокалипсис... Будет падать и падать, а потом земля напитается, и взойдет новый посев, каких раньше не бывало, и не будет плевел среди сплошных злаков. Но не будет и нас, чтобы насладиться новой вселенной...

Если бы не эти сизые мешки под глазами, если бы не вислое студенистое брюхо, если бы этот великолепный семитский нос не был так похож на топографическую карту... Хотя, ежели подумать, все пророки были пьяницами, потому что уж очень это тоскливо: ты все знаешь, а тебе никто не верит. Если бы в департаментах ввели штатную должность пророка, то им следовало бы присваивать не ниже тайного советника – для укрепления авторитета. И все равно, наверное, не помогло бы...

– За систематический пессимизм, – сказал Виктор вслух, – ведущий к подрыву служебной дисциплины и веры в разумное будущее, приказываю: тайного советника Голема побить камнями в экзекуторской.

Голем хмыкнул.

– Я всего лишь коллежский советник, – сообщил он. – И потом, какие пророки в наше время? Я не знаю ни одного. Множество лжепророков и ни одного пророка. В наше время нельзя предвидеть будущее – это насилие над языком. Что бы вы сказали, прочитав у Шекспира: предвидеть настоящее? Разве можно предвидеть шкаф в собственной комнате?... А вот идет мой инспектор. Как вы себя чувствуете, инспектор?

– Прекрасно, – сказал Павор, усаживаясь. – Официант, двойной коньяк! Там, в вестибюле, нашего живописца держат четверо, – сообщил он. – Объясняют ему, где вход в ресторан. Я решил не вмешиваться, потому что он никому не верит и дерется... О каких шкафах идет речь?

Он был сух, элегантен, свеж, от него пахло одеколоном.

– Мы говорим о будущем, – сказал Голем.

– Какой смысл говорить о будущем? – возразил Павор. – О будущем не говорят, будущее делают. Вот рюмка коньяка. Она полная. Я делаю ее пустой. Вот так. Один умный человек сказал, что будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести^[1].

– Другой умный человек сказал, – заметил Виктор, – что будущего вообще не бывает, есть только настоящее.

– Я не люблю классической философии, – сказал Павор, – эти люди ничего не умели и ничего не хотели. Им просто нравилось рассуждать, как Голему – пить. Будущее – это тщательно обезвреженное настоящее.

– У меня всегда возникает странное ощущение, – сказал Голем, – когда при мне штатский человек рассуждает как военный.

– Военные вообще не рассуждают, – возразил Павор. – У военных только рефлексы и немного эмоций.

– У большинства штатских тоже, – сказал Виктор, ощупывая свой затылок.

– Сейчас ни у кого нет времени рассуждать, – сказал Павор. – Ни у военных, ни у штатских. Сейчас надо успевать поворачиваться. Если тебя интересует будущее, изобретай его быстро, на ходу, в соответствии с рефлексами и эмоциями.

– К чертям изобретателей, – сказал Виктор. Он чувствовал себя пьяным и веселым. Все стояло на своих местах. Не хотелось никуда идти, хотелось оставаться здесь, в этом пустом полутемном зале, еще не совсем ветхом, но уже с потеками на стенах, с расхлябанными половицами, с запахом кухни; особенно если вспомнить, что снаружи во всем мире идет дождь, над булыжными мостовыми – дождь, над островерхими крышами – дождь, и дождь заливает горы и равнину, и когда-нибудь он все это смоем, но это случится еще очень не скоро... хотя, если подумать, сейчас ни о чем нельзя говорить, что это случится не скоро. Да, милые мои, давно оно прошло, то время, когда будущее было повторением настоящего и все перемены маячили где-то за далекими горизонтами. Голем прав, нет на свете никакого будущего, оно слилось с настоящим, и теперь не разберешь, где что.

– Изнасилован мокрецом! – сказал Павор злорадно.

В дверях ресторана появился доктор Р. Квадрига. Несколько секунд он стоял, с тяжелым вниманием обозревая ряды пустых столиков, затем лицо его прояснилось, и он, резко качнувшись вперед, устремился к своему месту.

– Почему вы их называете мокрецами? – спросил Виктор. – Что они – мокрые у вас тут стали от дождей?

– А почему – нет? – сказал Павор. – Как же их, по-вашему, называть?

– Очкарики, – сказал Виктор. – Доброе старое слово. Спокон веков мы их называли очкариками.

Доктор Р. Квадрига приближался. Спереди он был весь мокрый – вероятно, его отмывали над раковиной. Выглядел он утомленным и разочарованным.

– Черт знает что, – брюзливо сказал он еще издали. – Никогда со мной такого не бывало: нет входа! Куда ни ткнусь – везде сплошные окна... Кажется, я заставил вас ждать, господи. – Он упал в свое кресло и узрел Павора. – Опять он здесь, – сообщил он Голему доверительным шепотом. – Надеюсь, он вам не мешает... А со мной, знаете ли, произошла удивительная история. Всего облили.

Голем налил ему коньяку.

– Благодарю вас, – сказал Р. Квадрига, – но я, пожалуй, лучше пропущу пару кругов. Надо обсохнуть.

– Я вообще за все старое доброе, – объявил Виктор. – Пусть очкарики остаются очкариками. И вообще пусть все остается без изменений. Я – консерватор... Внимание! – сказал он громко. – Предлагается тост за консерватизм. Минуточку... – Он налил себе джинку, встал и оперся рукой на спинку кресла. – Я – консерватор, – сказал он. – И с каждым годом я становлюсь все консервативнее, но не потому, что старею, а потому, что ощущаю в этом потребность...

Трезвый Павор с рюмкой наготове глядел на него снизу вверх с подчеркнутым вниманием. Голем медленно ел миноги, а доктор Р. Квадрига, казалось, тщился понять, откуда до него доносится голос и чей. Все было очень хорошо.

– Люди обожают критиковать правительства за консерватизм, – продолжал Виктор. – Люди обожают превозносить прогресс. Это новое веяние, и оно глупо, как и все новое. Людям надлежало бы молить бога, чтобы он даровал им самое косное, самое заскорузлое и конформистское правительство...

Теперь и Голем поднял глаза и смотрел на него, и Тэдди за своей стойкой тоже перестал перетирать бутылки и прислушивался, только вот затылок вдруг заломило, и пришлось поставить рюмку и погладить желвак.

– Государственный аппарат, господа, во все времена почитал своей главной задачей сохранение статус-кво. Не знаю, насколько это было оправданно раньше, но сейчас такая функция государства попросту необходима. Я бы определил эту функцию так: всячески препятствовать будущему запускать свои щупальца в наше время, обрубить эти щупальца, прижигать их каленым железом... Мешать изобретателям, поощрять схоластов и болтунов... В гимназиях ввести повсеместно исключительно классическое образование. На высшие государственные посты – старцев, обремененных семействами и долгами, не моложе шестидесяти лет, чтобы брали взятки и спали на заседаниях...

– Что вы такое несете, Виктор, – сказал Павор укоризненно.

– Нет, отчего же, – сказал Голем. – Необычайно приятно слышать такие умеренные, лояльные речи.

– Я еще не кончил, господа!.. Талантливых ученых назначать администраторами с крупным окладом. Все без исключения изобретения принимать, плохо оплачивать и класть под сукно. Ввести драконовские налоги на каждую товарную и производственную новинку... – А чего я, собственно, стою, подумал Виктор и сел. – Ну, как вам это показалось? – спросил он Голема.

– Вы совершенно правы, – сказал Голем. – А то у нас нынче все радикалы. Даже директор гимназии. Консерватизм – вот наше спасение.

Виктор хлебнул джину и сказал горестно:

– Не будет никакого спасения. Потому что все дураки-радикалы не только верят в прогресс, они еще и любят прогресс, они воображают, что не могут без прогресса. Потому что прогресс – это, кроме всего прочего, дешевые автомобили, бытовая электроника и вообще возможность делать поменьше, а получать побольше. И потому каждое правительство вынуждено одной рукой... то есть не рукой, конечно... одной ногой нажимать на тормоза, а другой – на акселератор. Как гонщик на повороте. На тормоза – чтобы не потерять управление, а на акселератор – чтобы не потерять скорости, а то ведь какой-нибудь демагог, поборник прогресса, обязательно спихнет с водительского места.

– С вами трудно спорить, – вежливо сказал Павор.

– А вы не спорьте, – сказал Виктор. – Не надо спорить: в спорах рождается истина, пропади она пропадом. – Он нежно погладил желвак и добавил: – Впрочем, у меня это, наверное, от невежества. Все ученые – поборники прогресса, а я не ученый. Я просто небезызвестный куплетист.

– Что это вы все время хватаетесь за затылок? – спросил Павор.

– Какая-то сволочь долбанула, – сказал Виктор. – Кастетом... Правильно я говорю, Голем? Кастетом?

– По-моему, кастетом, – сказал Голем. – А может быть, и кирпичом.

– Что вы такое говорите? – удивился Павор. – Каким кастетом? В этом захоlustье?

– Вот видите, – наставительно сказал Виктор. – Прогресс!.. Давайте снова выпьем за консерватизм.

Позвали официанта, выпили еще раз за консерватизм. Пробыло девять, и в зале появилась известная пара – молодой человек в мощных очках и его долговязый спутник. Усевшись за свой столик, они включили торшер, смиренно огляделись и принялись изучать меню.

Молодой человек опять пришел с портфелем, портфель он поставил на свободное кресло рядом с собой. Он всегда был очень добр к своему портфелю. Продиктовав официанту заказ, они выпрямились и стали молча глядеть в пространство.

Странная пара, подумал Виктор. Удивительное несоответствие. Они выглядят, как в испорченном бинокле: один в фокусе, другой расплывается, и наоборот. Полнейшая несовместимость. С молодым человеком в очках можно было бы поговорить о прогрессе, а с долговязым – нет. Долговязый мог бы двинуть меня кастетом, а молодой в очках – нет... Но я вас сейчас совмещу. Как бы это мне вас совместить? Ну, например, вот... Какой-нибудь государственный банк, подвалы... цемент, бетон, сигнализация... долговязый набирает номер на диске, стальная башня поворачивается, открывается вход в сокровищницу, оба входят, долговязый набирает номер на другом диске, дверца сейфа откатывается, и молодой по локоть погружается в бриллианты.

Доктор Р. Квадрига вдруг расплакался и схватил Виктора за руку.

– Ночевать, – сказал он. – Ко мне. А?

Виктор немедленно налил ему джину. Р. Квадрига выпил, вытер под носом и продолжал:

– Ко мне. Вилла. Фонтан есть. А?

– Фонтан – это у тебя хорошо придумано, – заметил Виктор уклончиво. – А еще что?

– Подвал, – печально сказал Р. Квадрига. – Следы. Боюсь. Страшно. Хочешь – продам?

– Лучше подари, – предложил Виктор.

Р. Квадрига заморгал.

– Жалко, – сказал он.

– Скупердяй, – сказал Виктор с упреком. – Это у тебя с детства. Виллы ему жалко! Ну и подавись своей виллой.

– Ты меня не любишь, – горько констатировал доктор Р. Квадрига. – И никто.

– А господин президент? – агрессивно спросил Виктор.

– «Президент – отец народа», – оживляясь, сказал Р. Квадрига. – Эскиз в золотистых тонах... «Президент на позициях». Фрагмент картины: «Президент на обстреливаемых позициях».

– А еще? – поинтересовался Виктор.

– «Президент с плащом», – сказал Р. Квадрига с готовностью. – Панно. Панорама.

Виктор, соскучившись, отрезал кусочек миноги и стал слушать Голема.

– Вот что, Павор, – говорил тот. – Отстаньте вы от меня. Что я еще могу? Отчетность я вам представил. Рапорт ваш готов подписать. Хотите жаловаться на военных – жалуйтесь. Хотите жаловаться на меня...

– Не хочу я на вас жаловаться, – отвечал Павор, прижимая руку к груди.

– Тогда не жалуйтесь.

– Ну посоветуйте мне что-нибудь! Неужели вы ничего мне не можете посоветовать?

– Господа, – сказал Виктор. – Скучища. Я пойду.

На него не обратили внимания. Он отодвинул стул, поднялся и, чувствуя себя очень пьяным, направился к стойке. Лысый Тэдди перетирал бутылки и смотрел на него без любопытства.

– Как всегда? – спросил он.

– Подожди, – сказал Виктор. – Что это я у тебя хотел спросить... Да! Как дела, Тэдди?

– Дождь, – коротко сказал Тэдди и налил ему очищенной.

– Проклятая погода стала у нас в городе, – сказал Виктор и оперся на стойку. – Что там на твоём барометре?

Тэдди сунул руку под стойку и достал «погодник». Все три шипа плотно прилегли к блестящему, словно отполированному стволу.

– Без просвета, – сказал Тэдди, внимательно разглядывая «погодник». – Дьявольская выдумка. – Подумав, он добавил: – А вообще-то, бог его знает, может быть, он давно уже заломался – который год уже дождь, как проверишь?

– Можно съездить в Сахару, – предложил Виктор.

Тэдди ухмыльнулся.

– Смешно, – сказал он. – Господин этот ваш, Павор, смешное дело, двести крон предлагает за эту штуку.

– Спьяну, наверное, – сказал Виктор. – Зачем она ему...

– Я ему так и сказал. – Тэдди повертел «погодник», поднес его к правому глазу. – Не отдам, – заявил он решительно. – Пусть-ка сам поищет. – Он сунул «погодник» под стойку, посмотрел, как Виктор крутит в пальцах рюмку, и сообщил: – Диана твоя приезжала.

– Давно? – небрежно спросил Виктор.

– Да часов в пять примерно. Выдал ей ящик коньяку. Росшепер все гуляет, никак не остановится. Гоняет персонал за коньяком, жирная морда. Тоже мне – член парламента... Ты за нее не опасешься?

Виктор пожал плечами. Он вдруг увидел Диану рядом с собой. Она возникла возле стойки в мокром дождевике с откиннутым капюшоном, она не смотрела в его сторону, он видел только ее профиль и думал, что из всех женщин, которых он знал раньше, она – самая красивая и что такой у него больше никогда, наверное, не будет. Она стояла, опершись на стойку, и лицо ее было очень бледным и очень равнодушным, и она была самой красивой – у нее все было красивое. И всегда. И когда она плакала, и когда смеялась, и когда злилась, и когда ей было наплевать, и даже когда мерзла, а особенно – когда на нее находило... Ох и пьян же я, подумал Виктор, и разит, наверное, от меня, как от Р. Квадриги. Он вытянул нижнюю губу и подышал себе под нос. Ничего не разобрать.

– Дороги мокрые, скользкие, – говорил Тэдди. – Туман... А потом, я тебе скажу, что Росшепер этот – наверняка бабник, старый козел.

– Росшепер – импотент, – возразил Виктор, машинально проглотив очищенную.

– Это она тебе рассказала?

– Брось, Тэдди, – сказал Виктор. – Перестань.

Тэдди пристально на него посмотрел, потом вздохнул, крикнув, присел на корточки, покопался под стойкой и выставил перед Виктором пузырек с нашатырным спиртом и початую пачку чая. Виктор глянул на часы и стал смотреть, как Тэдди неторопливо достает чистый бокал, наливает в него содовую, капает из пузырька и все так же неторопливо мешает стеклянной палочкой. Потом он придвинул бокал к Виктору. Виктор выпил и зажмурился, задерживая дыхание. Свежая и отвратительная, отвратительно-свежая струя нашатыря ударила в мозг и разлилась где-то за глазами. Виктор потянул носом воздух, сделавшийся нестерпимо холодным, и запустил пальцы в пачку с чаем.

– Ладно, Тэдди, – сказал он. – Спасибо. Запиши на меня, что полагается. Они тебе скажут, что полагается. Пойду.

Старательно жуя чай, он вернулся к своему столику. Очкастый молодой человек и его долговязый спутник торопливо поглощали ужин. Перед ними стояла единственная бутылка – с местной минеральной водой. Павор и Голем, освободив место на скатерти, играли в кости, а доктор Р. Квадрига, охватив нечесаную голову, монотонно бубнил:

– «Легион Свободы – опора президента». Мозаика... В счастливый день именин вашего высокопревосходительства... «Президент – отец детей». Аллегорическая картина...

– Я пошел, – сказал Виктор.

– Жаль, – сказал Голем. – Впрочем, желаю удачи.

– Привет Росшеперу, – сказал Павор, подмигнув.

– «Член парламента Росшепер Нант», – оживился Р. Квадрига. – Портрет. Недорого. Поясной...

Виктор взял свою зажигалку и пачку сигарет и пошел к выходу. Позади доктор Р. Квадрига ясным голосом произнес: «Я полагаю, господа, что нам пора познакомиться. Я – Рем Квадрига, доктор гонорис кауза, а вот вас, сударь, я не припоминаю...» В дверях Виктор столкнулся с толстым тренером футбольной команды «Братья по разуму». Тренер был очень озабочен, очень мокр и уступил Виктору дорогу.

* * *

Автобус остановился, и шофер сказал:

– Приехали.

– Санаторий? – спросил Виктор. Снаружи был туман, плотный, молочный. Свет фар рассеивался в нем, и ничего не было видно.

– Санаторий, санаторий, – проворчал шофер, раскуривая сигарету.

Виктор подошел к двери и, спускаясь с подножки, сказал:

– Ну и туманище. Ничего не вижу.

– Разберетесь, – равнодушно пообещал шофер. Он сплюнул в окошко. – Нашли место, где санаторий устраивать. Днем – туман, вечером – туман...

– Счастливого пути, – сказал Виктор.

Шофер не ответил. Взвыл двигатель, захлопнулись двери, и огромный пустой автобус, весь стеклянный и освещенный изнутри, как закрытый на ночь универмаг, развернулся, сразу превратившись в мутное пятно света, и укатил обратно в город. Виктор с трудом, перебирая руками решетчатую изгородь, нашел ворота и ощупью двинулся по аллее. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, он смутно различал впереди освещенные окна правого крыла и какую-то особенно глубокую тьму на месте левого, где сейчас спали намотавшиеся за день под дождем «Братья по разуму». В тумане, словно сквозь вату, слышались обычные звуки – играла радиола, дребезжала посуда, кто-то хрипло орал. Виктор продвигался, стараясь держаться середины песчаной аллеи, чтобы не налететь ненароком на какую-нибудь гипсовую вазу. Бутылку с джином он бережно прижимал к груди и был очень осторожен, но тем не менее вскоре споткнулся о мягкое и прошелся на четвереньках. Позади вяло и сонно выругались в том смысле, что надо, мол, зажигать свет. Виктор нашарил в сумраке упавшую бутылку, снова прижал ее к груди и пошел дальше, выставив свободную руку. Скоро он столкнулся с автомобилем, ощупью обошел его и столкнулся с другим. Дьявол, здесь оказалась целая куча автомобилей. Виктор, ругаясь, блуждал среди них, как в лабиринте, и долго не мог выбраться к смутному сиянию, означавшему вход в вестибюль. Гладкие бока автомобилей были влажными от осевшего тумана. Где-то рядом хихикали и отбивались.

В вестибюле на этот раз было пусто, никто не играл в жмурки, никто, тряся жирным задом, не бегал в пятнашки, никто не спал в креслах. Повсюду валялись скомканные плащи, а некий остряк повесил шляпу на фикус. Виктор поднялся по ковровой лестнице на второй этаж. Музыка гремела. Справа в коридоре все двери в апартаменты члена парламента были распахнуты, оттуда несло жирными запахами пищи, курева и разгоряченных тел. Виктор повернул налево и постучал в комнату Дианы. Никто не отозвался. Дверь была заперта, ключ торчал в замочной скважине. Виктор вошел, зажег свет и поставил бутылку на телефонный столик. Послышались шаги, и он выглянул наружу. Направо по коридору широкой и твердой походкой удалялся рослый человек в черном вечернем костюме. На лестничной площадке он остановился перед зеркалом, вскинул голову, поправил галстук (Виктор успел разглядеть изжелта-смуглый орлиный профиль и острый подбородок), а затем в нем что-то изменилось: он ссутулился, слегка перекосялся набок и, гнусно виляя бедрами, скрылся в одной из рас-

пахнутых дверей. Пижон, неуверенно подумал Виктор. Блевать ходил... Он поглядел налево. Там было темно.

Виктор снял плащ, запер комнату и отправился искать Диану. Придется заглянуть к Росшеперу, подумал он. Где ей еще быть?

Росшепер занимал три палаты. В первой недавно жрали: на столах, покрытых замаранными скатертями, громоздились грязные тарелки, пепельницы, бутылки, мятые салфетки, и никого не было, если не считать одинокой потной лысины, храпевшей в блюде с заливным.

В смежной палате дым стоял коромыслом. На гигантской росшеперовой кровати брыкались полураздетые нездешние девчонки. Они играли в какую-то странную игру с апоплексически багровым господином бургомистром, который зарывался в них, как свинья в желуды, и тоже брыкался и хрюкал от удовольствия. Тут же присутствовали: господин полицмейстер без кителя, господин городской судья с глазами, вылезшими из орбит от нервной одышки, и какая-то незнакомая юркая личность в сиреновом. Эти трое азартно сражались в детский бильярд, поставленный на туалетный столик, а в углу, прислоненный к стене, сидел, раскинув ноги, облаченный в перепачканный вицмундир директор гимназии с идиотской улыбкой на устах. Виктор уже собрался уходить, когда кто-то поймал его за штанину. Он глянул вниз и отпрянул. Перед ним стоял на четвереньках член парламента, кавалер орденов, автор нашумевшего проекта об обрыблении Китчиганских водоемов Росшепер Нант.

– В лошадки хочу, – просительно проблеял Росшепер. – Давай в лошадки! И-го-го! – Он был невменяем.

Виктор деликатно освободился и заглянул в последнюю палату. Там он увидел Диану. Сначала он не понял, что это Диана, а потом кисло подумал: очень мило! Здесь было полно народу, каких-то полужнакомых мужчин и женщин, они стояли кругом и хлопали в ладоши, а в центре круга Диана отплясывала с тем самым желтолицым пижоном, обладателем орлиного профиля. У нее горели глаза, горели щеки, волосы летали над плечами, и черт был ей не брат. Орлиный профиль очень старался соответствовать.

Странно, подумал Виктор. В чем дело?.. Что-то здесь было не так. Танцует он хорошо, он просто прекрасно танцует. Как учитель танцев. Не танцует, а показывает, как танцевать... Даже не как учитель, а как ученик на экзаменах. Очень хочет получить пятерку... Нет, не то. Слушай, милый, ты же с Дианой танцуешь! Неужели ты этого не замечаешь? Виктор привычно напряг воображение. Актер танцует на сцене, все хорошо, все прекрасно, все идет как надо, без накладок, а дома несчастье... Нет, не обязательно несчастье, просто ждут, когда же он вернется, и он тоже ждет, когда дадут занавес и погасят огни... И даже никакой не актер, а посторонний человек, изображающий актера, который сам играет совсем уж постороннего человека... Неужели Диана не чувствует? Это же фальшивка. Манекен. Ни капли близости между ними, ни капли соблазна, ни тени желания... Говорят друг другу что-то, представить невозможно – что. Шерочка с машерочкой... Вы не вспотели? Да, читал, и даже два раза... Тут он увидел, что Диана, распахивая гостей, бежит к нему.

– Пошли плясать! – закричала она еще издали.

Кто-то преградил ей дорогу, кто-то схватил ее за руку, она вырвалась, смеясь, а Виктор все искал глазами желтолицего и не находил, и это неприятно его беспокоило.

Она подбежала к нему, вцепилась в рукав и потащила в круг.

– Пошли, пошли! Здесь все свои – вся пьянь, рвань, дрянь... Покажи им, как надо! Этот мальчишка ничего не умеет...

Она втащила его в круг, кто-то в толпе заорал: «Писателю Баневу – ура!» Замолкшая на секунду радиола снова залаяла и залязгала, Диана прижалась к нему, потом отпрянула, от нее пахло духами и вином, она была горячая, и Виктор теперь ничего не видел, кроме ее возбужденного прекрасного лица и летящих волос.

– Пляши! – крикнула она, и он стал плясать.

- Молодец, что приехал.
- Да. Да.
- Зачем ты трезвый? Вечно ты трезвый, когда не надо.
- Я буду пьяный.
- Сегодня ты мне нужен пьяный.
- Буду.
- Чтобы делать с тобой что хочу. Не ты со мной, а я с тобой.
- Да.

Она удовлетворенно смеялась, и они плясали молча, ничего не видя и ни о чем не думая. Как во сне. Как в бою. Такая она была сейчас – как сон, как бой. Диана, На Которую Нашло... Вокруг били в ладоши и вскрикивали, кажется, еще кто-то пытался плясать, но Виктор отшвырнул его, чтобы не мешал, а Росшепер протяжно кричал где-то неподалеку: «О мой бедный пьяный народ!»

- Он импотент?
- Еще бы. Я его мою.
- И как?
- Абсолютно.
- О мой бедный пьяный народ! – стонал Росшепер.
- Пошли отсюда, – сказал Виктор.

Он поймал ее за руку и повел. Пьянь и рвань расступалась перед ними, воняя спиртом и чесноком, а в дверях путь преградил губастый молокосос с румянцем во всю щеку и сказал что-то наглое, кулаки у него чесались, но Виктор сказал ему: «Потом, потом», – и молокосос исчез. Держась за руки, они пробежали по пустому коридору, затем Виктор, не выпуская ее руки, отпер дверь и, не выпуская ее руки, запер дверь изнутри... и было жарко, стало нестерпимо жарко, душно... и комната была сначала широкая и просторная, а потом сделалась узкой и тесной, и тогда Виктор встал и распахнул окно, и черный сырой воздух залил его голые плечи и грудь. Он вернулся на кровать, нашарил в темноте бутылку с джином, отхлебнул и передал Диане. Потом он лег, и слева тек холодный воздух, а справа было горячее шелковистое и нежное. Теперь он слышал, что пьянка продолжается – гости пели хором.

- Это надолго? – спросил он.
- Что? – спросила Диана сонно.
- Долго они будут выть?
- Не знаю. Какое нам дело? – Она повернулась на бок и легла щекой на его плечо. – Холодно, – пожаловалась она.

- Они повозились, забираясь под одеяло.
- Не спи, – сказал он.
- Угу, – пробормотала она.
- Тебе хорошо?
- Угу.
- А если за ухо?
- Угу... Отстань, больно.
- Слушай, а нельзя здесь пожить недельку?
- Можно.
- А где?
- Я спать хочу. Дай поспать бедной пьяной женщине.

Он замолчал и лежал не шевелясь. Она уже спала. Так я и сделаю, подумал он. Здесь будет хорошо, тихо. Только не вечером. А может быть, и вечером. Не станет же он пьянствовать каждый вечер, ему ведь лечиться надо... Пожить здесь денька три-четыре... пять-шесть... и поменьше пить, совсем не пить, и поработать... давно я не работал... Чтобы

начать работать, надо хорошенько заскучать, чтобы ничего больше не хотелось... Он вздрогнул, задремывая. Насчет Ирмы... Насчет Ирмы я напишу Роц-Тусову, вот что я сделаю. Не струсил бы Роц-Тусов, трус он. Должен мне девятьсот крон... Когда речь заходит о господине президенте, все это не имеет значения, все мы становимся трусами. Почему мы все такие трусы? Чего мы, собственно, боимся? Перемены мы боимся. Нельзя будет пойти в писательский кабак и пропустить рюмку очищенной... швейцар не будет кланяться... и вообще швейцара не будет, самого сделают швейцаром. Плохо, если на рудники... это действительно плохо... Но это же редко, времена не те... смягчение нравов... Сто раз я об этом думал и сто раз обнаруживал, что бояться, в общем, нечего, а все равно боюсь. Потому что тупая сила, подумал он. Это страшная штука, когда против тебя тупая, свиная со щетиной сила, неуязвимая, ни для логики неуязвимая, ни для эмоций... И Дианы не будет...

Он задремал и снова проснулся, потому что под открытым окном громко разговаривали и ржали, как животные. Затрещали кусты.

– Не могу я их сажать, – сказал пьяный голос полицмейстера. – Нет такого закона...

– Будет, – сказал голос Росшепера. – Я депутат или нет?

– А такой закон есть, чтобы под городом – рассадник заразы? – рывкнул бургомистр.

– Будет! – упрямо сказал Росшепер.

– Они не заразные, – проблеял фальцетом директор гимназии. – Я имею в виду, что в медицинском отношении...

– Эй, гимназия, – сказал Росшепер, – расстегнуться не забудь.

– А такой закон есть, чтобы честных людей разоряли? – рывкнул бургомистр. – Чтобы р-разоряли, есть такой закон?

– Будет, я тебе говорю! – сказал Росшепер. – Я депутат или нет?

Чем бы их садануть? – подумал Виктор.

– Росшепер! – сказал полицмейстер. – Ты мне друг? Я тебя, подлеца, на руках носил. Я тебя, подлеца, выбирал. А теперь они шлятся, заразы, по городу, и я ничего не могу. Закона нет, понимаешь?

– Будет, – сказал Росшепер. – Я тебе говорю – будет. В связи с заражением атмосферы...

– Нравственной! – вставил директор гимназии. – Нравственной и моральной.

– Что?.. В связи, говорю... с отравлением атмосферы и по причине недостаточного обрыбления прилежащих водоемов... заразу ликвидировать и учредить в отдалённой местности. Годится?

– Дай я тебя поцелую, – сказал полицмейстер.

– Молодец, – сказал бургомистр. – Голова. Дай я тоже...

– Ерунда, – сказал Росшепер. – Раз плюнуть... Споем? Нет, не желаю. Пошли еще по маленькой.

– Правильно. По маленькой – и домой.

Снова затрещали кусты, Росшепер сказал уже где-то в отдалении: «Эй, гимназия, застегнуться забыл!» – и под окном стало тихо. Виктор снова задремал, просмотрел какой-то незначительный сон, а потом раздался телефонный звонок.

– Да, – сказала Диана хрипло. – Да, это я... – Она откашлялась. – Ничего, ничего, я слушаю... Все хорошо, он был, по-моему, доволен... Что?

Она разговаривала, перевалившись через Виктора, и вдруг он почувствовал, как напряглось ее тело.

– Странно, – сказала она. – Хорошо, я сейчас посмотрю... Да... Хорошо, я ему скажу.

Она положила трубку, перелезла через Виктора и зажгла ночник.

– Что случилось? – спросил Виктор сонно.

– Ничего. Спи, я сейчас вернусь.

Сквозь прижмуренные веки он смотрел, как она собирает разбросанное белье, и лицо у нее было такое серьезное, что он встревожился. Она быстро оделась и вышла, на ходу одергивая платье. Росшеперу плохо, подумал он, прислушиваясь. Допился, старый мерин. В огромном здании было тихо, и он отчетливо слышал шаги Дианы в коридоре, но она пошла не направо, как он ожидал, к Росшеперу, а налево. Потом скрипнула где-то дверь, и шаги стихли. Он повернулся на бок и попробовал снова заснуть, но сна не было. Он понял, что ждет Диану и что ему не заснуть теперь, пока она не вернется. Тогда он сел и закурил. Желвак на затылке принялся пульсировать, и он поморщился. Диана не возвращалась. Почему-то он вспомнил плясуна с орлиным профилем. Он-то здесь при чем? – подумал Виктор. Артист, который играет другого артиста, который играет третьего... А, вот в чем дело: он появился как раз оттуда, слева, куда ушла Диана. Дошел до лестничной площадки и превратился в пижона. Сначала играл светского льва, а потом стал играть разболтанного хлыща... Виктор снова прислушался. На редкость тихо, все спят... храпит кто-то... Потом снова скрипнула дверь, и послышались приближающиеся шаги. Вошла Диана, лицо у нее было по-прежнему серьезное. Ничего не кончилось, происшествие продолжалось. Диана подошла к телефону и набрала номер.

– Его нет, – сказала она. – Нет-нет, он ушел... Я тоже... Ничего, ничего, что вы. Спокойной ночи.

Она положила трубку, постояла немного, глядя в темноту за окном, затем села на кровать рядом с Виктором. В руке у нее был цилиндрический фонарик. Виктор закурил сигарету и подал ей. Она молча курила, о чем-то напряженно думая, а потом спросила:

– Ты когда заснул?

– Не знаю, трудно сказать.

– Но уже после меня?

– Да.

Она повернула к нему лицо.

– Ты ничего не слышал? Какого-нибудь скандала, драки...

– Нет, – сказал Виктор. – По-моему, все было очень мирно. Сначала они пели, потом Росшепер с компанией мочился у нас под окном, потом я заснул. Они уже собирались разъезжаться.

Она бросила сигарету за окно и поднялась.

– Одевайся, – сказала она.

Виктор усмехнулся и протянул руку за трусами. Слушаю и повинуюсь, подумал он. Хорошая вещь – повинование. Только не надо ни о чем спрашивать. Он спросил:

– Поедем или пойдём?

– Что?.. Сначала пойдём, а там видно будет.

– Кто-нибудь пропал?

– Кажется.

– Росшепер?

Он вдруг поймал на себе ее взгляд. Она смотрела на него с сомнением. Она уже немного раскаивалась, что позвала его. Она спрашивала себя: а кто он, собственно, такой, чтобы брать его с собою?

– Я готов, – сказал он.

Она все еще сомневалась, задумчиво играя фонариком.

– Ну, ладно... тогда пошли. – Она не двигалась с места.

– Может быть, отломать у стула ножку? – предложил Виктор. – Или, скажем, у кровати?..

Она встрепенулась.

– Нет. Ножка не годится. – Она выдвинула ящик стола и достала огромный черный пистолет. – На, – сказала она.

Виктор насторожился было, но это оказался – спортивный мелкокалиберный. И к тому же без обоймы.

– Давай патроны, – сказал Виктор.

Она непонимающе посмотрела на него, потом посмотрела на пистолет и сказала:

– Нет. Патроны не понадобятся. Пошли.

Виктор пожал плечами и сунул пистолет в карман. Они спустились в вестибюль и вышли на крыльцо. Туман поредел, моросил хилый дождик. Машин у крыльца не было. Диана свернула в аллею между мокрыми кустами и включила фонарик. Дурацкое положение, подумал Виктор. Ужасно хочется спросить в чем дело, а спросить нельзя. Хорошо бы придумать, как спросить. Как-нибудь облически. Не спросить, а так – отпустить замечание с вопросом в подтексте. Может быть, драться придется? Неохота. Сегодня неохота. Буду бить рукояткой. Прямо между глаз... А как там мой желвак? Желвак оказался на месте и побаливал. Странные, однако, обязанности у медсестры в этом санатории... А ведь я всегда считал, что Диана – женщина с тайной. С первого взгляда и все пять дней... Ну и сырость, надо было глотнуть перед уходом. Как только вернусь, сейчас же и глотну... А я молодец, подумал он. Никаких вопросов. Слушаю и повинуюсь.

Они обогнули крыло, пробрались через сирень и оказались перед оградой. Диана посветила. Одно железного прута в ограде не было.

– Виктор, – сказала она негромко. – Сейчас мы пойдем по тропинке. Ты пойдешь сзади. Смотри под ноги, и ни шагу в сторону. Понял?

– Понял, – покорно сказал Виктор. – Шаг влево, шаг вправо – считается побег...

Диана пролезла первой и посветила Виктору. Потом они очень медленно двинулись под гору. Это был восточный склон холма, на котором стоял санаторий. Вокруг шумели под дождем невидимые деревья. Раз Диана поскользнулась, и Виктор едва успел схватить ее за плечи. Она нетерпеливо вывернулась и пошла дальше. Каждую минуту она повторяла: «Смотри под ноги... Держись за мной». Виктор послушно смотрел вниз, на ноги Дианы, мелькающие в прыгающем светлом круге. Сначала он все ожидал удара по затылку, прямо по желваку, или чего-нибудь в этом роде, а потом решил: вряд ли. Концы с концами не сходились. Просто, наверное, удрал какой-нибудь псих – например, у Росшепера случилась белая горячка, и его придется вести назад, пугая разряженным пистолетом...

Диана неожиданно остановилась и что-то сказала, но ее слова не дошли до сознания Виктора, потому что в следующую секунду он увидел возле тропинки чьи-то блестящие глаза, неподвижные, огромные, пристально глядевшие из-под мокрого выпуклого лба – только глаза и лоб, и ничего больше, ни рта, ни носа, ни тела – ничего. Сырая тяжелая темнота, и в светлом круге – блестящие глаза и неестественно белый лоб.

– Сволочи, – сказала Диана перехваченным голосом. – Так я и знала. Зверье.

Она упала на колени, луч фонарика скользнул вдоль черного тела, и Виктор увидел какую-то блестящую металлическую дугу, цепь в траве, а Диана скомандовала: «Скорее, Виктор», – и он присел рядом с нею на корточки и только теперь понял, что это капкан, а в капкане – нога человека. Он обеими руками вцепился в железные челюсти и попытался развести их, но они подались чуть-чуть и сомкнулись снова. «Дурак! – крикнула Диана. – Пистолетом!» Он скрипнул зубами, ухватился поудобнее, напряг мускулы, так что захрустело в плечах, и челюсти разошлись. «Тащи», – хрипло сказал он. Нога исчезла, железные дуги снова сомкнулись и сжали ему пальцы. «Подержи фонарик», – сказала Диана. «Не могу, – виновато сказал Виктор. – Попался. Возьми у меня из кармана пистолет...» Диана, чертыхнувшись, полезла к нему в карман. Он снова развел капкан, она вставила между скобами рукоятку, и он освободился.

– Подержи фонарик, – повторила она. – Я посмотрю, что с ногой.

– Кость раздроблена, – сказал из темноты напряженный голос. – Несите меня в санаторий и вызывайте машину.

– Правильно, – сказала Диана. – Сейчас. Виктор, давай мне фонарик, а сам возьми его.

Она посветила. Человек сидел на прежнем месте, прислонившись к стволу дерева. Нижняя половина его лица была закутана черной повязкой. Очкарик, подумал Виктор. Мокрец. Как он сюда попал?

– Бери же, – нетерпеливо сказала Диана. – На спину.

– Сейчас, – отозвался он. Ему вспомнились желтые круги вокруг глаз. Подкатило к горлу. – Сейчас... – Он сел возле мокреца на корточки и повернулся к нему спиной. – Обнимите меня за шею, – сказал он.

Мокрец оказался тощим и легким. Он не двигался и даже, казалось, не дышал, и он не стонал, когда Виктор оскальзывался, но всякий раз его тело сводило судорогой. Тропинка была гораздо круче, чем думал Виктор, и, когда они дошли до ограды, он основательно запыхался. Трудно оказалось протащить мокреца через щель в ограде, но и с этим они в конце концов справились.

– Куда его? – спросил Виктор, когда они подошли к подъезду.

– Пока в вестибюль, – ответила Диана.

– Не надо, – тем же напряженным голосом произнес мокрец. – Оставьте меня здесь.

– Здесь дождь, – возразил Виктор.

– Перестаньте болтать, – сказал мокрец. – Я останусь здесь.

Виктор промолчал и стал подниматься по ступенькам.

– Оставьте его, – сказала Диана.

Виктор остановился.

– Какого черта, здесь же дождь, – сказал он.

– Не будьте дураком, – проговорил мокрец. – Оставьте... здесь...

Виктор, не говоря ни слова, шагая через три ступеньки, поднялся к двери и вошел в вестибюль.

– Кретин, – тихо сказал мокрец и уронил голову на его плечо.

– Болван, – сказала Диана, догоняя Виктора и хватая его за рукав. – Ты его убьешь, идиот! Немедленно вынеси и положи его под дождь! Немедленно, слышишь? Ну, чего стоишь?

– С ума вы все походили, – сердито и растерянно сказал Виктор.

Он повернулся, пнул дверь и вышел на крыльцо. Дождь словно только и ждал этого. Только что он лениво моросил, а тут вдруг хлынул настоящим ливнем. Мокрец тихонько застонал, поднял голову и вдруг задышал часто-часто, как загнанный. Виктор все еще медлил, инстинктивно осматриваясь в поисках какого-нибудь навеса.

– Положите меня, – сказал мокрец.

– В лужу? – язвительно и горько спросил Виктор.

– Это безразлично... Положите.

Виктор осторожно опустил его на керамические плитки крыльца, и мокрец сразу раскинул руки и вытянулся. Правая нога его была неестественно вывернута, огромный лоб в свете сильной лампы казался синевато-белым. Виктор сел рядом на ступеньки. Ему очень хотелось уйти в вестибюль, но это было невозможно – оставить под проливным дождем раненого человека, а самому уйти в тепло. Сколько раз меня сегодня назвали дураком? – подумал он, обтирая лицо ладонью. Ох, что-то много. И, кажется, доля истины в этом есть, поскольку дурак, он же болван, он же кретин и прочее – это невежда, упорствующий в своем невежестве. А ведь, ей-богу, ему под дождем лучше! И глаза открыл, и не такие они у него теперь страшные... Мокрец, подумал он. Да, пожалуй, скорее мокрец, чем очкарик. Как это

его в капкан занесло? И откуда здесь капканы? Второго мокреца сегодня встречаю, и у обоих неприятности. У них неприятности, и у меня из-за них тоже неприятности...

Диана в вестибюле говорила по телефону. Виктор прислушался.

– Нога!.. Да. Раздроблена кость... Хорошо... Ладно... Скорее, мы ждем.

Сквозь стеклянную дверь Виктор увидел, как она повесила трубку и побежала вверх по лестнице. Что-то у нас в городе стало с мокрецами нехорошо. Возня какая-то вокруг них. Что-то они стали всем мешать, даже директору гимназии. Даже Лоле, вспомнил он вдруг. Кажется, она тоже проходилась насчет них... Он поглядел на мокреца. Мокрец смотрел на него.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Виктор. Мокрец молчал. – Вам что-нибудь нужно? – спросил Виктор, повышая голос. – Глоток джину?

– Не орите, – сказал мокрец. – Я слышу.

– Больно? – сочувственно спросил Виктор.

– А как вы думаете?

На редкость неприятный человек, подумал Виктор. Впрочем, бог с ним – встретились и разошлись. А ему больно...

– Ничего, – сказал он. – Потерпите еще несколько минут. Сейчас за вами приедут.

Мокрец ничего не ответил, лоб его сморщился, глаза закрылись. Он стал похож на мертвого – плоский и неподвижный под проливным дождем. На крыльцо выскочила Диана с докторским чемоданчиком, присела рядом и стала что-то делать с покалеченной ногой. Мокрец тихонько зарычал, но Диана не произносила успокаивающих слов, какие обычно говорят в таких случаях врачи. «Тебе помочь?» – спросил Виктор. Она не ответила. Он поднялся, и Диана, не поворачивая головы, проговорила: «Подожди, не уходи».

– Я не ухожу, – сказал Виктор. Он смотрел, как она ловко накладывает шину.

– Ты еще понадобишься, – сказала Диана.

– Я не ухожу, – повторил Виктор.

– Вообще-то ты можешь сбегать наверх. Сбегай, хлебни чего-нибудь, пока есть время, но потом сразу возвращайся.

– Ничего, – сказал Виктор. – Обойдусь.

Потом где-то за пеленой дождя зарычал мотор, вспыхнули фары. Виктор увидел какой-то джип, осторожно заворачивающий в ворота. Джип подкатил к крыльцу, и из него грузно выбрался Юл Голем в своем неуклюжем плаще. Он поднялся по ступенькам, нагнулся над мокрецом, взял его руку. Мокрец глухо сказал:

– Никаких уколов.

– Ладно, – сказал Голем и посмотрел на Виктора. – Берите его. Виктор взял мокреца на руки и понес к джипу. Голем обогнал его, распахнул дверцу и залез внутрь.

– Давайте его сюда, – сказал он из темноты. – Нет, ногами вперед... Смелее... Придержите за плечи...

Он сопел и возился в машине. Мокрец снова зарычал, и Голем сказал ему что-то непонятное, а может быть, выругался, что-то вроде: «Шесть углов на шее...» Потом он вылез наружу, захлопнул дверцу и, усаживаясь за руль, спросил Диану:

– Вы им звонили?

– Нет, – ответила Диана. – Позвонить?

– Теперь уж не стоит, – сказал Голем, – а то они все законопатят. До свидания.

Джип тронулся с места, обогнул клумбу и укатил по аллее.

– Пойдем, – сказала Диана.

– Поплывем, – сказал Виктор. Теперь, когда все кончилось, он не чувствовал ничего больше, кроме раздражения.

В вестибюле Диана взяла его под руку.

– Ничего, – сказала она. – Сейчас переоденешься в сухое, выпьешь водочки, и все станет хорошо.

– Течет, как с мокрой собаки, – сердито пожаловался Виктор. – И потом, может быть, ты объяснишь, наконец, что здесь произошло?

Диана устало вздохнула.

– Да ничего здесь особенного не произошло. Не надо было фонарик забывать.

– А капканы на дорогах – это у вас в порядке вещей?

– Бургомистр ставит, сволочь...

Они поднялись на второй этаж и пошли по коридору.

– Он сумасшедший? – осведомился Виктор. – Это же уголовное дело. Или он действительно сумасшедший?

– Нет. Он просто сволочь и ненавидит мокрецов. Как и весь город.

– Это я заметил. Мы их тоже не любили, но капканы... А что мокрецы им сделали?

– Надо же кого-то ненавидеть, – сказала Диана. – В одних местах ненавидят евреев, где-то еще – негров, а у нас – мокрецов.

Они остановились перед дверью, Диана повернула ключ, вошла, и зажегся свет.

– Подожди, – сказал Виктор озираясь. – Куда ты меня привела?

– Это лаборатория, – ответила Диана. – Я сейчас.

Виктор остался в дверях и смотрел, как она ходит по огромной комнате и закрывает окна. Под окнами на полу темнели лужи.

– А что он здесь делал ночью? – спросил Виктор.

– Где? – спросила Диана, не оборачиваясь.

– На тропинке... Ты ведь знала, что он здесь?

– Ну, понимаешь, – сказала она, – в лепрозории плохо с медикаментами. Иногда они приходят к нам, просят...

Она закрыла последнее окно и прошла по лаборатории, оглядывая столы, заставленные приборами и химической посудой.

– Гнусно все это, – сказал Виктор. – Ну и государство. Куда ни поедешь – везде какая-нибудь дрянь... Пошли, а то я замерз.

– Сейчас, – сказала Диана.

Она взяла со стула какую-то темную одежду и встряхнула ее. Это был мужской вечерний костюм. Она аккуратно повесила его в шкафчик для спецодежды. Откуда здесь костюм? – подумал Виктор. Причем какой-то знакомый костюм...

– Ну вот, – сказала Диана. – Ты как хочешь, а я сейчас залезу в горячую ванну.

– Послушай, Диана, – сказал Виктор осторожно. – А кто был этот... с таким вот носом... желтолицый? С которым ты плясала...

Диана взяла его за руку.

– Видишь ли, – сказала она, помолчав, – это мой муж... Бывший муж.

Вундеркинды

- Давно я вас не видел в городе, – сказал Павор насморочным голосом.
- Не так уж давно, – возразил Виктор. – Всего два дня.
- Можно с вами посидеть, или вы хотите побыть вдвоем? – спросил Павор.
- Садитесь, – вежливо сказала Диана.

Павор сел напротив нее и крикнул: «Официант, двойной коньяк!» Смеркалось, швейцар задегивал шторы на окнах. Виктор включил торшер.

– Я вами восхищаюсь, – обратился Павор к Диане. – Жить в таком климате и сохранить прекрасный цвет лица... – Он чихнул. – Извините. Эти дожди меня доконают... Как работаете? – спросил он у Виктора.

- Неважно. Не могу я работать, когда пасмурно – все время хочется выпить.
- Что за скандал вы учинили у полицмейстера? – спросил Павор.
- А, чепуха, – сказал Виктор. – Искал справедливости.
- А что случилось?

– Скотина бургомистр охотится на мокрецов с капканами. Один попался, повредил ногу. Я взял этот капкан, пошел в полицию и потребовал расследования.

– Так, – сказал Павор. – А дальше?

– В этом городе странные законы. Поскольку заявления от пострадавшего не поступило, считается, что преступления не было, а был несчастный случай, в коем никто, кроме потерпевшего, не повинен. Я сказал полицмейстеру, что приму это к сведению, а он мне объявил, что это угроза, на чем мы и расстались.

– А где все это случилось? – спросил Павор.

– Около санатория.

– Около санатория? Что это мокрецу понадобилось около санатория?

– По-моему, это никого не касается, – резко сказала Диана.

– Конечно, – сказал Павор. – Я просто удивился... – Он сморщился, зажмурил глаза и со звоном чихнул. – Фу, черт, – сказал он. – Прошу прощения.

Он полез в карман и вытащил большой носовой платок. Что-то со стуком упало на пол. Виктор нагнулся. Это был кастет. Виктор поднял его и протянул Павору.

– Зачем вы это таскаете? – спросил он.

Павор, зарывшись лицом в носовой платок, смотрел на кастет покрасневшими глазами.

– Это все из-за вас, – произнес он сдавленным голосом и высморкался. – Это вы меня напугали своим рассказом... А между прочим, говорят, что здесь действует какая-то местная банда. То ли бандиты, то ли хулиганы. А мне, знаете ли, не нравится, когда меня бьют.

– Вас часто бьют? – спросила Диана.

Виктор посмотрел на нее. Она сидела в кресле, положив ногу на ногу, и курила, опустив глаза. Бедный Павор, подумал Виктор. Сейчас тебя отошьют... Он протянул руку и одернул юбку у нее на коленях.

– Меня? – сказал Павор. – Неужели у меня вид человека, которого часто бьют? Это надо поправить. Официант, еще двойной коньяк!.. Да, так на следующий день я зашел в слесарные мастерские, и мне там в два счета смастерили эту штучку. – Он с довольным видом осмотрел кастет. – Хорошая штучка, даже Голему понравилась...

– Вас так и не пустили в лепрозорий? – спросил Виктор.

– Нет. Не пустили и, надо понимать, не пустят. Я уже разуверился. Я написал жалобы в три департамента, а теперь сижу и сочиняю отчет. На какую сумму лепрозорий получил в минувшем году подштанников. Отдельно мужских, отдельно женских. Дьявольски увлекательно.

– Напишите, что у них не хватает медикаментов, – посоветовал Виктор. Павор удивленно поднял брови, а Диана лениво сказала:

– Лучше бросьте вашу писанину, выпейте стакан горячего вина и ложитесь в постель.

– Намек понял, – сказал Павор со вздохом. – Придется идти... Вы знаете, в каком я номере? – спросил он Виктора. – Навестили бы как-нибудь.

– Двести двадцать третий, – сказал Виктор. – Обязательно.

– До свидания, – сказал Павор, поднимаясь. – Желаю приятно провести вечер.

Они смотрели, как он подошел к стойке, взял бутылку красного вина и направился к выходу.

– Язык у тебя длинный, – сказала Диана.

– Да, – согласился Виктор. – Виновен. Понимаешь, он мне чем-то нравится.

– А мне – нет, – сказала Диана.

– И доктору Р. Квадриге тоже – нет. Интересно, почему?

– Морда у него мерзкая, – ответила Диана. – Белокурая бестия. Знаю я эту породу.

Настоящие мужчины. Без чести, без совести, повелители дураков.

– Вот тебе и на, – удивился Виктор. – А я-то думал, что такие мужчины должны тебе нравиться.

– Теперь нет мужчин, – возразила Диана. – Теперь либо фашисты, либо бабы.

– А я? – осведомился Виктор с интересом.

– Ты? Ты слишком любишь маринованные миноги. И одновременно – справедливость.

– Правильно. Но, по-моему, это хорошо.

– Это неплохо. Но если бы тебе пришлось выбирать, ты бы выбрал миноги, вот что плохо. Тебе повезло, что у тебя талант.

– Что это ты такая злая сегодня? – спросил Виктор.

– А я вообще злая. У тебя – талант, у меня – злость. Если у тебя отобрать талант, а у меня – злость, то останутся два совокупляющихся нуля.

– Нуль нулю рознь, – заметил Виктор. – Из тебя даже нуль получился бы неплохой – стройный, прекрасно сложенный нуль. И кроме того, если у тебя отобрать твою злость, ты станешь доброй, что тоже, в общем, неплохо...

– Если у меня отобрать злость, я стану медузой. Чтобы я стала доброй, нужно заменить злость добротой.

– Забавно, – сказал Виктор. – Обычно женщины не любят рассуждать. Но уж когда они начинают, то становятся удивительно категоричными. Откуда ты, собственно, взяла, что у тебя только злость и никакой доброты? Так не бывает. Доброта в тебе тоже есть, только она незаметна за злостью. В каждом человеке намешано всего понемножку, а жизнь выдавливает из этой смеси что-нибудь одно на поверхность...

В зал ввалилась компания молодых людей, и сразу стало шумно. Молодые люди вели себя непринужденно: они обругали официанта, погнали его за пивом, а сами обсели столик в дальнем углу и принялись громко разговаривать и хохотать во все горло. Здоровенный губастый дылда с румяными щеками, прищелкивая на ходу пальцами и пританцовывая, направился к стойке. Тэдди ему что-то подал, он, оттопырив мизинец, взял рюмку двумя пальцами, повернулся к стойке спиной, оперся на нее локтями и скрестил ноги, победительно оглядывая пустой зал. «Привет Диане! – заорал он. – Как жизнь?» Диана равнодушно улыбнулась ему.

– Что это за диво? – спросил Виктор.

– Некий Фламин Ювента, – ответила Диана. – Племянничек полицмейстера.

– Где-то я его видел, – сказал Виктор.

– Да ну его к черту, – нетерпеливо сказала Диана. – Все люди – медузы, и ничего в них такого не намешано. Попадают изредка настоящие, у которых есть что-нибудь свое

– доброта, талант, злость... отними у них это, и ничего не останется, станут медузами, как все. Ты, кажется, вообразил, что нравишься мне своим пристрастием к миногам и справедливости? Чепуха! У тебя талант, у тебя книги, у тебя известность, а в остальном ты такая же дремучая рохля, как и все.

– То, что ты говоришь, – объявил Виктор, – до такой степени неправильно, что я даже не обижаюсь. Но ты продолжай, у тебя очень интересно меняется лицо, когда ты говоришь. – Он закурил и передал ей сигарету. – Продолжай.

– Медузы, – сказала она горько. – Скользкие глупые медузы. Копшатся, ползают, стреляют, сами не знают, чего хотят, ничего не умеют, ничего по-настоящему не любят... как черви в сортире...

– Это неприлично, – сказал Виктор. – Образ, несомненно, выпуклый, но решительно неаппетитный. И вообще все это банальности. Диана, милая моя, ты не мыслитель. В прошлом веке и в провинции это еще как-то звучало бы... общество, по крайней мере, было бы сладко шокировано, и бледные юноши с горящими глазами^[2] таскались бы за тобой по пятам. Но сегодня это уже очевидности. Сегодня уже все знают, что есть человек. Что с человеком делать – вот вопрос. Да и то, признаться, уже навяз на зубах.

– А что делают с медузами?

– Кто? Медузы?

– Мы.

– Насколько я знаю – ничего. Консервы, кажется, из них делают.

– Ну и ладно, – сказала Диана. – Ты что-нибудь наработал за это время?

– А как же! Я написал страшно трогательное письмо своему другу Роц-Тусову. Если после этого письма он не устроит Ирму в пансион, значит, я никуда не годен!

– И это все?

– Да, – сказал Виктор. – Все остальное я выбросил.

– Господи! – сказала Диана. – А я-то за тобой ухаживала, старалась не мешать, отгоняла Росшепера...

– Купала меня в ванне, – напомнил Виктор.

– Купала тебя в ванне, поила тебя кофе...

– Погоди, – сказал Виктор, – но ведь я тоже купал тебя в ванне...

– Все равно.

– Как это – все равно? Ты думаешь, легко работать, выкупав тебя в ванне? Я сделал шесть вариантов описания этого процесса, и все они никуда не годятся.

– Дай почитать.

– Только для мужчин, – сказал Виктор. – Кроме того, я их выбросил, разве я тебе не сказал? И вообще, там было так мало патриотизма и национального самосознания, что это все равно никому нельзя было бы показать.

– Скажи, а ты как – сначала напишешь, а потом уже вставляешь национальное самосознание?

– Нет, – сказал Виктор. – Сначала я проникаюсь национальным самосознанием до глубины души: читаю речи господина президента, зубрю наизусть богатырские саги, посещаю патриотические собрания. Потом, когда меня начинает рвать – не тошнить, а уже рвать, – я принимаюсь за дело... Давай поговорим о чем-нибудь другом. Например, что мы будем делать завтра?

– Завтра у тебя встреча с гимназистами.

– Это быстро. А потом?

Диана не ответила. Она смотрела мимо него. Виктор обернулся. К ним подходил мокрец – во всей своей красе: черный, мокрый, с черной повязкой на лице.

– Здравствуйте, – сказал он Диане. – Голем еще не вернулся?

Виктор поразился, какое лицо сделалось у Дианы. Как на старинной картине. Даже не на картине – на иконе. Странная неподвижность черт, и ты недоумеваешь, то ли это замысел мастера, то ли бессилие ремесленника. Она не ответила. Она молчала, и мокрец тоже молча смотрел на нее, и никакой неловкости не было в этом молчании – они были вместе, а Виктор и все прочие были отдельно. Виктору это очень не понравилось.

– Голем, наверное, сейчас придет, – сказал он громко.

– Да, – сказала Диана. – Присядьте, подождите.

У нее был обычный голос, и она улыбалась мокрому равнодушной улыбкой. Все стало, как обычно, – Виктор был с Дианой, а мокрец и все прочие были отдельно.

– Прошу! – весело сказал Виктор, указывая на кресло доктора Р. Квадриги.

Мокрец сел, положив на колени руки в черных перчатках. Виктор налил ему коньяку. Мокрец привычно небрежным жестом взял рюмку, покачал, как бы взвешивая, и снова поставил на стол.

– Я надеюсь, вы не забыли? – сказал он Диане.

– Да, – сказала Диана. – Да. Сейчас принесу. Виктор, дай мне ключ от номера, я сейчас вернусь.

Она взяла ключ и быстро пошла к выходу. Виктор закурил. Что это с тобой, приятель? – сказал он себе. Что-то тебе слишком многое мерещится в последнее время. Нежный ты стал какой-то, чувствительный... Ревнивый. А зря. Тебя это совершенно не касается – все эти бывшие мужья, все эти странные знакомства... Диана – это Диана, а ты – это ты. Росшепер импотент? Импотент. Вот и будет с тобой... Он знал, что все это не так просто, что он уже проглотил какую-то отраву, но он сказал себе: хватит, и сегодня – сейчас, пока, – ему удалось убедить себя, что действительно хватит.

Мокрец сидел напротив, неподвижный и страшный, как чучело. От него пахло сыростью и еще чем-то, какой-то медициной. Мог ли я подумать, что когда-нибудь буду сидеть с мокрецом в ресторане за одним столиком? Прогресс, ребята, движется куда-то понемногу^[3]. Или это мы стали такие всеядные: дошло до нас, наконец, что все люди – братья? Человечество, друг мой, я горжусь тобой... А вы, сударь, отдали бы свою дочь за мокреца?..

– Моя фамилия Банев, – представился Виктор и спросил: – Как здоровье вашего... пострадавшего? Того, что попал в капкан?

Мокрец быстро повернул к нему лицо. Смотрит, как через бруствер, подумал Виктор.

– Удовлетворительно, – ответил мокрец холодно.

– На его месте я бы подал заявление в полицию.

– Не имеет смысла, – сказал мокрец.

– Почему же? – сказал Виктор. – Не обязательно обращаться в местную полицию, можно обратиться в окружную...

– Нам это не нужно.

Виктор пожал плечами.

– Каждое ненаказанное преступление рождает новое преступление.

– Да. Но нас это не интересует.

Они помолчали. Потом мокрец сказал:

– Меня зовут Зурзмандор.

– Знаменитая фамилия, – вежливо сказал Виктор. – Вы не родственник Павлу Зурзмандору, социологу?

Мокрец прищурил глаза.

– Даже не однофамилец^[4], – сказал он. – Мне говорили, Банев, что завтра вы выступаете в гимназии...

Виктор не успел ответить. За спиной у него двинули кресло, и молодцеватый баритон произнес:

– А ну, зараза, пошел отсюда вон!

Виктор обернулся. Над ним возвышался губастый Фламин Ювента, или как его там, – словом, племянничек. Виктор глядел на него не больше секунды, но уже чувствовал сильнейшее раздражение.

– Вы это кому, молодой человек? – осведомился он.

– Вашему приятелю, – любезно сообщил Фламин Ювента и снова гаркнул: – Тебе говорят, мокрая шкура!

– Одну минуточку, – сказал Виктор и встал. Фламин Ювента, ухмыляясь, смотрел на него сверху вниз. Этаким юный Голиаф в спортивной куртке, сверкающей многочисленными эмблемами, наш простейший отечественный штурмфюрер, верная опора нации с резиновой дубинкой в заднем кармане, гроза левых, правых и умеренных. Виктор протянул руку к его галстуку и спросил, изображая озабоченность и любопытство: «Что это у вас такое?» И когда юный Голиаф машинально наклонил голову, чтобы поглядеть, что у него там такое, Виктор крепко ущемил его нос большим и указательным пальцем. «Э!» – ошеломленно воскликнул юный Голиаф и попытался вырваться, но Виктор его не выпустил и некоторое время старательно и с ледяным наслаждением крутил и выворачивал этот наглый крепкий нос, приговаривая: «Веди себя прилично, щенок, племянничек, штурмовичок вшивый, сукин сын, хамло...» Позиция была исключительно удобной: юный Голиаф отчаянно лягался, но между ними было кресло, юный Голиаф месил воздух кулаками, но руки у Виктора были длиннее, и Виктор все крутил, вращал, драл и вывертывал, пока у него над головой не пролетела бутылка. Тогда он оглянулся: на него, раздвигая столы и опрокидывая кресла, с грохотом неслась вся банда – пятеро, причем двое из них очень рослые. На мгновение все застыло, как на фотоснимке, – черный Зурзмансор, спокойно откинувшийся в кресле; Тэдди, повисший в прыжке над стойкой; Диана с белым свертком посередине зала; а на заднем плане в дверях – свирепое усатое лицо швейцара; и совсем рядом – злобные морды с разинутыми пастьями. Затем фотография кончилась, и началось кино.

Первого верзилу Виктор очень удачно сшиб ударом по скуле. Тот исчез и некоторое время не появлялся. Но другой верзила попал Виктору в ухо. Кто-то еще ударил его ребром ладони по щеке – видимо, промахнулся по горлу. А еще кто-то – освободившийся Голиаф? – прыгнул на него сзади. Все это было грубое уличное хулиганье, опора нации, – только один из них применял бокс, а остальные жаждали не столько драться, сколько увечить: выдавить глаз, разорвать рот, лягнуть в пах. Будь Виктор один, они бы его искалечили, но с тыла на них набежал Тэдди, который свято исповедовал золотое правило всех вышибал – гасить любую драку в самом зародыше, а с фланга появилась Диана, Диана Бешеная, оскаленная ненавистью, непохожая на себя, уже без белого пакета, а с тяжелой оплетенной бутылкой в руках; и еще подоспел швейцар, человек хотя и пожилой, но, судя по хваткам, бывший солдат – он действовал связкой ключей, словно это был ремень со штыком в ножнах. Так что когда из кухни прибежали два официанта, делать им было уже нечего. Племянничек удрал, забыв на столике свой транзистор. Один из молодчиков остался лежать под столом – это был тот, которого Диана свалила бутылкой, остальных же четверых Виктор с Тэдди, подбадривая друг друга удалыми возгласами, буквально вынесли из зала на кулаках, прогнали через вестибюль и пинками забили в вертящуюся дверь. По инерции они вылетели наружу сами и только там, под дождем, осознали полную победу и несколько успокоились.

– Сопляки паршивые, – сказал Тэдди, закуривая сразу две сигареты – себе и Виктору. – Манеру взяли – каждый четверг буяннить. Прошлый раз недоглядел – два кресла сломали. А кому платить? Мне?

Виктор шупал распухшее ухо.

– Племянничек ушел, – сказал он с сожалением. – Так я до него как следует и не добрался.

– Это хорошо, – сказал Тэдди деловито. – С этим губастым лучше не связываться. Дядюшка у него знаешь кто, да и сам он... опора Родины и Порядка, или как они там называются... А драться ты, господин писатель, наострился. Такой, помню, хлипкий сопляк был – тебе, бывало, дадут, а ты и под стол. Молодец.

– Такая уж у меня профессия, – вздохнул Виктор. – Продукт борьбы за существование. У нас ведь как – все на одного. А господин президент за всех.

– Неужели до драки доходит? – простодушно удивился Тэдди.

– А ты думал! Напишут на тебя похвальную статью, что ты-де проникнут национальным самосознанием, идешь искать критика, а он уже с компанией – и все молодые, задорные крепыши, дети президента...

– Надо же, – сказал Тэдди сочувственно. – И что?

– По-разному. И так бывает, и эдак.

К подъезду подкатил джип, отворилась дверца, и под дождь, прикрываясь одним плащом, вылезли молодой человек в очках и с портфелем и его долговязый спутник. Из-за руля выбрался Голем. Долговязый с острым, каким-то профессиональным интересом смотрел, как швейцар выбивает через вертящуюся дверь последнего буяна, еще не вполне пришедшего в себя. «Жалко, этого с нами не было, – шепотом сказал Тэдди, указывая глазами на долговязого. – Вот это мастер! Это тебе не ты. Профессионал, понял?» – «Понял», – тоже шепотом ответил Виктор. Молодой человек с портфелем и долговязый рысцой пробежали мимо и нырнули в подъезд. Голем неторопливо двинулся было следом, уже издали улыбаясь Виктору, но дорогу ему заступил господин Зурзмансор с белым свертком под мышкой. Он что-то проговорил вполголоса, после чего Голем сразу перестал улыбаться и вернулся в машину. Зурзмансор пробрался на заднее сиденье, и джип укатил.

– Эх! – сказал Тэдди. – Не того мы с тобой били, господин Банев. Люди кровь из-за него проливают, а он сел в чужую машину и уехал.

– Ну, это ты зря, – сказал Виктор. – Большой, несчастный человек, сегодня он, завтра ты. Мы с тобой сейчас пойдем и выпьем, а его в лепрозорий повезли.

– Знаем мы, куда его повезли! – непримиримо сказал Тэдди. – Ничего ты не понимаешь в нашей жизни, писатель.

– Оторвался от нации?

– От нации не от нации, а жизни нашей ты не знаешь. Поживи-ка у нас: который год дожди, на полях все погнило, дети от рук отбились... Да чего там – ни одной кошки в городе не осталось, от мышей спасенья нет... Э-эх! – сказал он, махнув рукой. – Пошли уж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 59,90р. (на 02.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести. – «The future cannot be predicted, but futures can be invented» – положение Д. Габора. D. Gabor, «Inventing the Future», ch. 11, «On Optimism and Pessimism». Penguin Books, 1964, p. 161.

2.

...бледные юноши с горящими глазами... – строка стихотворения В. Брюсова «Юному поэту»: «Юноша бледный со взором горящим...».

3.

Прогресс, ребята, движется куда-то понемногу. – Ю. Ким, строка из песни «Посвящение Петру Якиру» («Четырнадцать лет пацан попал в тюрьму»).

4.

Вы не родственник <...>? – Даже не однофамилец... – ключевая фраза анекдота времен борьбы с троцкизмом. Так отвечал на вопросы следователя некий бедолага по фамилии Троцкий (ведь настоящая фамилия Льва Троцкого – Бронштейн). Анекдот восходит к Козьме Пруткову: «...он не только не родственник мне, но даже и не однофамилец» («С того света»).